



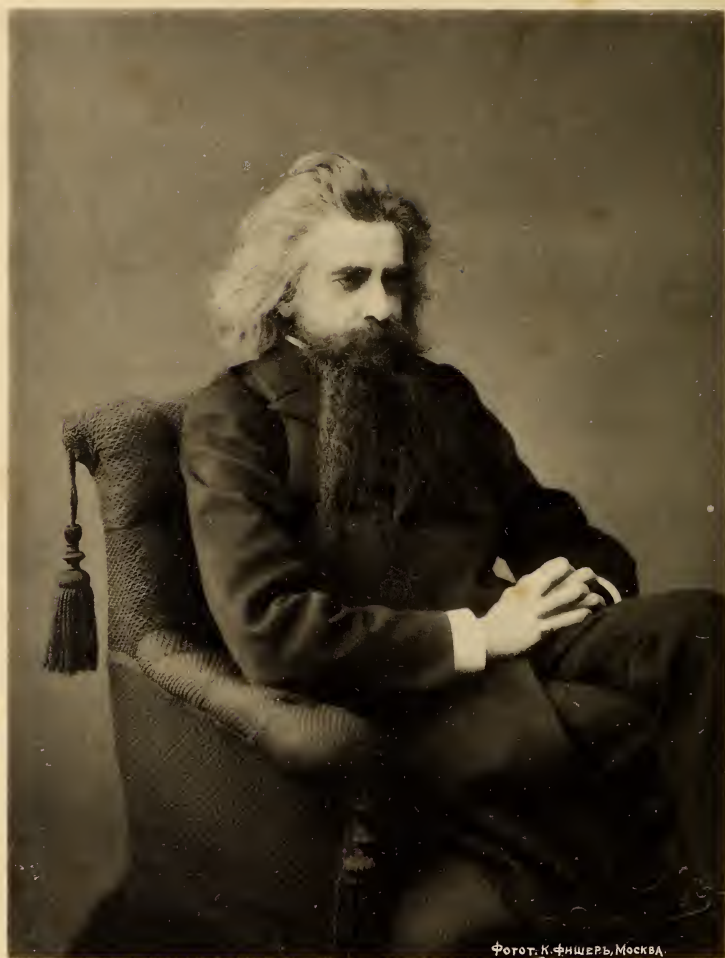


Digitized by the Internet Archive
in 2015

СТИХОТВОРЕНІЯ.







Фотот. К. Фишеръ, Москва

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ.

Издание С. М. Соловьева.

1900?

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И МАМОНТОВА
МОСКВА. ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., ДОМЪ № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1874.

	СТР.
Ночное плаваніе. Изъ „Романдеро“ Гейне. Іюль. Не- скучное	1
Изъ Платона. Москва	5

1875.

Хоть мы навѣкъ незримыми цѣпями. Лондонъ.	6
Вся въ лазури сегодня явилась. Каиръ.	7

1876.

У царицы моей есть высокій дворець. Каиръ	8
Пѣсня офитовъ. Ницца.	10
<i>Vis ejus integra si versa fuerit in terram.</i> Май. Парижъ.	12

1878.

Отрывокъ. с. Дубровицы.	14
Въ былые годы любви невзгоды. с. Дубровицы	15
Умныя звѣзды (изъ Гейне). с. Липяги	16

1880.

Уходишь ты. с. Лѣсное	18
Посвященіе къ неизданной комедіи. Петербургъ	19

1881.		СТР.
О какъ въ тебѣ лазури чистой много. Москва		21
Мы сошлись съ тобой не даромъ. (?)		22
1882.		
Въ странѣ морозныхъ вьюгъ. Москва		23
Три подвига. Москва		25
Подъ чуждой властью знойной вьюги. Петербургъ		27
1883.		
Безкрылый духъ, землю полоненный. с. Рождествино		28
Эпиграмма Строщи. с. Красный Рогъ		29
Изъ Петrarки. с. Красный Рогъ		30
1884.		
Восторгъ души расчетливымъ обманомъ. Петербургъ. . . .		35
L'onda dal mar'divisa. с. Пустынька		36
А. А. Фету. Владиміръ-на-Клязьмѣ		37
1885.		
Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами. Москва		38
На мотивъ изъ Мицкевича. с. Воробьевка		39
Изъ Гафиза. с. Воробьевка		40
1886.		
Въ землю обѣтованную. Январь. с. Пустынька.		51
Какой тяжелый сонъ. Гапсаль		54
Земля-Владычица! Май. с. Пустынька		55
Я добился свободы желанной		56
Пора весеннихъ грозъ еще не миновала		57
Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія. Августъ. Альпы.		58

	СТР.
Осеннею дорогой. Серпуховъ.	59
Изъ „Vita nuova“ Данте. Петербургъ	60
1887.	
Другъ мой! Прежде какъ и нынѣ. 3 апрѣля. Москва . . .	61
Поллюнъ	62
Бѣдный другъ! Истомилъ тебя путь. 17 сентября. с. Во- робьевка.	66
1890.	
Зной безъ сіянія. Москва	67
Не по волю судьбы. Москва	68
Ex oriente lux. Петербургъ.	69
Тамъ, подъ липой, у рѣшетки (?)	71
1891.	
Пусть тучи темныя грозящею толпою. 7 августа. Пе- тергофъ	72
Неопалимая купина. 4 сентября. Москва	73
Кумиръ Набукеднецара	75
Скромное пророчество. Москва	78
1892.	
Память. 29 февраля. Москва	79
Пусть осень ранняя смѣется надо мною. Москва	81
Былъ трудень долгій путь. (?)	82
Милый другъ, иль ты не видишь. (?)	83
День прошелъ съ суетой безошадною	84
Нѣтъ вопросовъ давно и не нужно рѣчей	85
Взтеръ съ западной страны	86
Тѣсно сердце, я вижу, твое для меня	87
Зачѣмъ слова?	88

	СТР.
Тамъ, гдѣ семей столпились пвы. с. Дѣдово	89
О, что значать всѣ слова и рѣчи. (?)	90
Милый другъ, не вѣрю я нисколько. (?)	91
Вижу очи твои изумрудныя. (?)	92
Если желанья бѣгутъ словно тѣни. (?)	93

1893.

Изъ Теннисона	94
Изъ Лонгфелло. (?)	95
На палубѣ Торнео. 28 іюля	96
По дорогѣ въ Упсалу. 2 августа.	97
На палубѣ Фритіюфа. 6 августа	99
Лунная ночь въ Шотландіи. Августъ. Инверснэдъ на Лох-Ломондѣ	100
Прощанье съ моремъ. 1 ноября. Динаръ	104

1894.

Съ новымъ годомъ	105
Монрепо. Сентябрь.	106
Колдунъ-камень. 26 сентября. Выборгъ	107
Что этой ночью съ тобой совершилось. Сентябрь.	109
Сайма. 3 октября	110
Этотъ матово-свѣтлый жемчужный просторъ. 11 октября. Сайма.	111
Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная. 11 октября. Сайма.	112
На Саймѣ зимой. Декабрь	113
Шумъ далекій водопада. Декабрь. Сайма	114
Имману-Эль	115
Ночь на Рождество. Сайма.	117

1895.

Отшедшимъ. Январь	119
-----------------------------	-----

	СТР.
Иматра. Январь	121
Сонъ наяву. Февраль	122
Опять надвинулись томительныя тѣни. Апрельъ	124
Воскресшему. 16 апрѣля. Сайма	125
Лишь только тѣнь живыхъ. 23 апрѣля. Рауха	127
Наконецъ она страхнула. 28 апрѣля. Сайма	128
Эти грозныя силы, что въ полдень гремѣли. Царское Село.	130

1896.

Юньская ночь на Саймѣ. 17 юня	131
Гроза утромъ. 17 юня.	133
На повѣздѣ утромъ. Сентябрь	134

1897.

Память А. А. Фета. 16 января.	135
Око вѣчности. Январь	136
На смерть А. Н. Майкова	137
Другу молодости.	138
Нѣтъ, силой не поднять	140
А. А. Фету. Июль	141
Старому другу. Июль.	142
Я озаренъ осеннею улыбкой. 26 августа. с. Пустынька	143
Родина русской поэзіи. 12 октября. Москва	144

1898.

Отзывъ на „Пѣсни изъ уголка“. Январь	146
Знаменіе, 8 марта	147
Мимо Троицы	149
Пѣсня моря. Апрельъ. Между Смирной и Пиреемъ	150
Въ Архипелагѣ ночью. Апрельъ	152
Das ewig weibliche. 8—11 апрѣля. Архипелагъ	154

	СТР.
Нильская дельта. 14 (26) апрѣля. Каиръ	157
11 іюня 1898 г. с. Пустынька	159
Отвѣтъ на „Плачь Ярославны“. 18 іюня. с. Пустынька.	160
На томъ же мѣстѣ. 29 іюня. с. Пустынька	162
Три свиданія. 26—29 сентября. с. Пустынька	164
На смерть Я. П. Полонскаго. 19 октября	174
Лишь забудешься двемъ. 21 ноября. Москва.	176
1899.	
Двѣ сестры. 3 апрѣля Петербургъ	178
У себя. Іюнь. Петербургъ	180
Бѣлые колокольчики. Августъ. с. Пустынька	181
1900.	
Les revenants. 16 января. Петербургъ	183
Драконъ. 24 іюня. Петербургъ	184
Вновь бѣлые колокольчики. 8 іюля с. Пустынька.	186

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящемъ (четвертомъ) изданіи прежній порядокъ стихотвореній замѣненъ хронологическимъ, при чемъ стихотворенія, время написанія которыхъ не удалось опредѣлить съ точностью, отмѣчены въ оглавленіи знакомъ вопроса; кромѣ того, прибавлено два послѣднихъ стихотворенія, появившихся послѣ выхода въ свѣтъ третьяго изданія, и включены критическія и полемическія статьи, составлявшія *Приложеніе* къ третьему изданію и вошедшія въ настоящее время въ „Собраніе сочиненій“.

М. Соловьевъ.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ.

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

... Одно изъ моихъ стихотвореній, обращенное къ живому и притомъ несомнѣнно благонамѣренному лицу, надѣлало хлопотъ изданію, гдѣ появилось, такъ какъ это дѣйствительное и ото всякой политики весьма далекое лицо было принято оффиціальнымъ критикомъ за иносказательный образъ политической „эволюціи“. А вскорѣ послѣ этого одно сѣверное озеро, небезызвѣстное въ географіи и полюбившееся мнѣ *en tout bien tout honneur*, оказалось въ глазахъ неофициальнаго Катона легкомысленною особой женскаго пола, и я подвергся внушительному порицанію за то, что на склонѣ лѣтъ увлекаюсь юношескими чувствами и распространяюсь о нихъ въ печати.

Сознаюсь, что подалъ поводъ къ такому обвиненію: нужно выражаться яснѣе. Если вдохновляешься *озеромъ*, то такъ и говори:

Oh, lac! l'année à peine a fini sa carrière...

Болѣе серьезныхъ оговорокъ требуютъ два другія произведенія: Das Ewig-weibliche (слово увѣщательное къ морскимъ чертямъ) и Три свиданья. Они могутъ подать поводъ къ обвиненію меня въ пагубномъ лжеученіи. Не вносится ли здѣсь женское начало въ самое Божество? Не входя въ разборъ этого теософскаго вопроса по существу, я долженъ, чтобы не вводить читателя въ соблазнъ, а себя оградить отъ напрасныхъ нареканій, заявить слѣдующее: 1) перенесеніе плотскихъ животнo-человѣческихъ отношеній въ область сверхчеловѣческую есть величайшая *мерзость* и причина крайней гибели (потопъ, Содомъ и Гомора, „глубины сатанинскія“ послѣднихъ временъ); 2) поклоненіе женской природѣ самой по себѣ, то-есть началу двусмыслія и безразличія, воспріимчивому ко лжи и злу не менѣе, чѣмъ къ истинѣ и добру — есть величайшее *безуміе* и главная причина го-

сподствующаго нынѣ размягченія и расслабленія; 3) ничего общаго съ этою глупостью и съ тою мерзостью не имѣетъ истинное почитаніе вѣчной женственности, какъ дѣйствительно отъ вѣка воспріявшей силу Божества, дѣйствительно вмѣстившей полноту добра и истины, а чрезъ нихъ нетлѣнное сіяніе красоты.

Но чѣмъ совершеннѣе и ближе откровеніе настоящей красоты, одѣвающей Божество и Его силою ведущей насъ къ избавленію отъ страданія и смерти, тѣмъ тоньше черта, отдѣляющая ее отъ лживаго ея подобія,—отъ той обманчивой и безсильной красоты, которая только увѣковѣчиваетъ царство страданій и смерти. Жена, облеченная въ солнце, уже мучается родами: она должна явить истину, родить слово, и вотъ древній змій собираетъ противъ нея свои послѣднія силы и хочетъ потопить ее въ ядовитыхъ потокахъ благсвидной лжи, правдоподобныхъ обмановъ. Все это предсказано, и предсказанъ конецъ: въ концѣ Вѣчная красота будетъ плодотворна, и изъ нея выйдетъ спасеніе міра, когда ея

обманчивыя подобія исчезнуть, какъ та морская пѣна, что родила престонародную Афродиту. *Этой* мои стихи не служатъ ни единымъ словомъ, и вотъ единственное неотъемлемое достоинство, которое я могу и долженъ за ними признать.

Владиміръ Соловьевъ.

С.-Петербургъ,
Апрѣль 1900 года.

НОЧНОЕ ПЛАВАНІЕ.

Изъ „Романцero“ Гейне.

1

Вздмалося море; луна изъ-за тучь
Уныло глядѣлась въ волнѣ.
Отъ берега тихо отчалилъ нашъ челнѣ,
И было насъ трое въ челнѣ.

2

Стройна, недвижима, какъ блѣдная тѣнь,
Предъ нами стояла она;
На образъ волшебный серебряный блескъ
Порою кидала луна.

3

Тоскливо и мѣрно удары весла
Звучали въ ночной тишинѣ.
Сходилися волны, и тайную рѣчь
Волна говорила волнѣ.

4

Вотъ сдвинулись тучи толпой, и луна
Скрыла свой плачущій ликъ.
Повѣяло холодомъ... Вдругъ въ вышинѣ
Пронесся пронзительный крикъ.

5

То бѣлая чайка морская; какъ тѣнь,
Надъ нами мелькнула она,
И вздрогнули все мы,—тотъ крикъ намъ грозилъ
Какъ призракъ зловѣщаго сна.

6

Не брежу ли я? Иль то ночи обманъ
Такъ злобно играетъ со мной?
Ни въявь, ни во снѣ—и страшить и манить
Созданіе мысли больной.

7

Мнѣ чудится, будто — посланникъ небесъ—
Всѣ страсти, всѣ скорби людей,
Все горе и муки, всю злобу вѣковъ
Въ груди заключилъ я своей.

8

Въ неволѣ, въ тяжелыхъ цѣпяхъ Красота,
Но часъ избавленья пробилъ.
Страдалица, слушай: люблю я тебя,
Люблю и отъ вѣка любилъ.

9

Любовью нездѣшней люблю я тебя.
Тебѣ я свободу принесъ,
Свободу отъ зла, отъ позора и мукъ,
Свободу отъ крови и слезъ.

10

Страдалица, горекъ любви моей даръ,
Онъ — смерть для стихіи земной,
Лишь въ смерти спасеніе падшихъ боговъ.
Умрешь и воскреснешь со мной.

11

Безумная греза, болѣзненный бредъ!
Кругомъ только мгла да туманъ.
Волнуется море, и вѣтеръ реветъ...
Все призракъ, все ложь и обманъ!

12

Но что это? Боже, спаси Ты меня!
О, Боже великій, Шаддай!
Качнулся челнокъ, и всплеснула волна...
Шаддай! о, Шаддай, Адонай!

13

Ужъ солнце всходило, по зыби морской
Играя пурпурнымъ лучемъ,
И къ пристани тихо причалилъ нашъ челнъ.
Мы на берегъ вышли *вдвоемъ*.

1874.

II

ИЗЪ ПЛАТОНА.

*Ἀστέρας εἰσαθροεῖς, Ἀστὴρ Ἐμὸς εἶθε γενοίμην
Οὐρανὸς, ὡς πολλοῖς ὄμμασιν εἰς σε βλέπω*

На звѣзды глядишь ты, звѣзда моя свѣтлая!
О, быть бы мнѣ небомъ, въ широкихъ объятіяхъ
Держать бы тебя и очей мириадами
Тобой любоваться въ безмолвномъ сіяніи.

1874.

III

Хоть мы навѣкъ незримыми цѣпями
Прикованы къ нездѣшнимъ берегамъ,
Но и въ цѣпяхъ должны свершить мы сами
Тотъ кругъ, что боги очертили намъ.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творить,
И подъ личиной вещества безстрастной
Вездѣ огонь божественный горить.

1875.

IV

Вся въ лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,—
Сердце сладкимъ восторгомъ забилося,
И въ лучахъ восходящаго дня
Тихимъ свѣтомъ душа засвѣтилась,
А вдали, догорая, дымилося
Злое пламя земного огня.

1875.

V

У царицы моей есть высокій дворець,
О семи онъ столбахъ золотыхъ,
У царицы моей семигранный вѣнецъ,
Въ немъ безъ счету камней дорогихъ.

И въ зеленомъ саду у царицы моей
Розъ и лилій краса расцвѣла,
И въ прозрачной волнѣ серебристый ручей
Ловить отблескъ кудрей и чела,

Но не слышитъ царица, что шепчетъ ручей,
На цвѣты и не взглянетъ она:
Ей туманить печаль свѣтъ лазурныхъ очей,
И мечта ея скорби полна.

Она видитъ: далеко, въ полночномъ краю,
Средь морозныхъ тумановъ и вьюгъ,
Съ злою силою тьмы въ одиночномъ бою
Гибнетъ ею покинутый другъ.

И бросаетъ она свой алмазныи вѣнецъ,
Оставляетъ чертогъ золотой
И къ невѣрному другу,—нежданный пришлецъ,—
Благодатной стучится рукой.

И надъ мрачной зимой молодая весна —
Вся сіяя склонилась надъ нимъ
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарнымъ покровомъ своимъ.

И низринуты темныя силы во прахъ,
Чистымъ пламенемъ весь онъ горитъ
И съ любовію вѣчной въ лазурныхъ очахъ
Тихо другу она говоритъ:

„Знаю, воля твоя волнъ морскихъ не вѣрнѣй,
„Ты мнѣ вѣрность клялся сохранить,—
„Клятвѣ ты измѣнилъ, но измѣной своей
„Могъ ли сердце мое измѣнить?“

1876.

VI

П Ъ С Н Я О Ф И Т О В Ъ .

Бѣлюю лилію съ розой,
Съ алою розою мы сочетаемъ.
Тайной пророческой грезой
Вѣчную истину мы обрѣтаемъ.

Вѣщее слово скажите!
Жемчугъ свой въ чашу бросайте скорѣе!
Нашу голубку свяжите
Новыми кольцами древняго змѣя.

Вольному сердцу не больно...
Ей ли бояться огня Прометея?
Чистой голубкѣ привольно
Въ пламенныхъ кольцахъ могучаго змѣя.

Пойте про яря грозы.
Въ ярой грозѣ мы покой обрѣтаемъ...
Бѣлую лилію съ розой
Съ алою розою мы сочетаемъ.

1876.

VII.

VIS EJUS INTEGRА SI VERSA FUERIT IN TERRAM.

Истинно тотъ есть любимецъ боговъ, кто жизни весною
Миртомъ главы не вѣнчалъ, кого только въ грезахъ
манила

Нѣжной рукой золотая царица Китеры. Дарами
Музь и Харить небогатый, пусть древняго Кроноса
сѣмя

Въ сердцѣ глубоко таить онъ и думой угрюмой пи-
таеть.

Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,
Молніей вспыхнетъ и землю широкимъ охватитъ пожа-
ромъ.

Все, что въ груди хоронилось, что образа тщетно искало:
Гордаго духа порывы и нѣжность любви безпредѣль-
ной,—

Все то въ одну непреклонную силу сольется, волшеб-
нымъ

Мощнымъ потокомъ всѣ думы людскія обниметъ,
Цѣпь золотую сомкнетъ и небо съ землей сочтаетъ.

1876.

VIII

О Т Р Ы В О К Ъ.

Зачѣмъ тебѣ любовь и ласки,
Коль свой огонь въ груди горитъ,
И цѣлый міръ волшебной сказки
Съ душой такъ внятно говоритъ;
Когда въ синѣющемъ туманѣ
Житейскій путь передъ тобой,
А цѣль достигнута заранѣ,
Побѣда предваряетъ бой;
Когда серебряныя нити
Идутъ изъ сердца въ область грезъ...
О, боги вѣчные! возьмите
Мой горькій опытъ и верните
Мнѣ силу первыхъ вешнихъ грозъ!

1878.

IX

Въ былые годы любви невзгоды
Соединяли насъ,
Но пламень страсти не въ нашей власти,
И мой огонь угасъ.

Пускай мы нынѣ въ мірской пустынѣ
Сошлись опять вдвоемъ,—
Ужъ другъ для друга любви недуга
Мы вновь не принесемъ.

Весна умчалась, и намъ осталась
Лишь память о веснѣ—
Средь жизни смутной, какъ сонъ минутной,
Какъ счастье во снѣ.

1878.

Х

УМНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

(Изъ Гейне).

Цвѣты мы и любимъ—
И мы же ихъ губимъ:
Въ томъ сами они виноваты:
Растутъ у дороги,
Суются подъ ноги—
За то и бываютъ измяты.
Въ глубокомъ просторѣ
Индѣйскаго моря
Не мало жемчужинъ таятся;
Зарыты далеко, —
Все жъ зоркое око
Людское не дастъ имъ укрыться.
Ихъ сѣтью поймають,
Имъ сердце пронзають
И вяжутъ ихъ нитью шелковой.

Томиться въ неволѣ
Ихъ горькая доля:
Хоть нити, а тѣ же оковы!
Всѣхъ звѣзды умнѣе:
Вверху пламенѣя,
На землю глядятъ безъ тревоги.
Лампады вселенной
Въ красѣ неизмѣнной
Блаженны и вѣчны, какъ боги.

1878.

XI

Уходишь ты, и сердце въ часъ разлуки
Ужъ не звучить желаньемъ и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло предъ судьбой.

И какъ среди песковъ степи безводной
Блѣдетъ рядъ покинутыхъ гробовъ,
Такъ въ памяти моей найдутъ покой холодный
Гробницы свѣтлыхъ грезъ моей любви безплодной,
Невыраженныхъ чувствъ, невысказанныхъ словъ.

И если нѣкогда надъ этими гробами
Нежданно прозвучитъ призывный голосъ твой,
Лишь отзвукъ каменный застывшими волнами
О той пустынѣ, что лежитъ межъ нами,
Тебѣ пошлетъ отвѣтъ холодный и нѣмой.

1880.

XII

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ.

Не жди ты пѣсенъ стройныхъ и прекрасныхъ,
У темной осени цвѣтовъ ты не проси!
Не зналъ я дней сіяющихъ и ясныхъ,
А сколько призраковъ недвижныхъ и безгласныхъ
Покинуто на сумрачномъ пути.

Таковъ законъ: все лучшее въ туманѣ,
А близкое иль больно, иль смѣшно.
Не миновать намъ двойственной сей грани:
Изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій
Созвучіе вселенной создано.

Звучи же смѣхъ свободною волною,
Негодванія не стоятъ наши дни.

Ты, муза бѣдная, надъ смутною стезею
Явись хоть разъ съ улыбкой молодою
И злую жизнь насмѣшкою незлою
Хотя на мигъ одинъ угомони.

1880.

XIII

О, какъ въ тебѣ лазури чистой много
И черныхъ, черныхъ тучъ!
Какъ ясно надъ тобой сіяетъ отблескъ Бога,
Какъ злой огонь въ тебѣ томителенъ и жгучь.

И какъ въ твоей душѣ съ невидимой враждою
Двѣ силы вѣчныя таинственно сошлись,
И тѣни двухъ міровъ нестройною толпою
Тѣснясь къ тебѣ причудливо сплелись.

Но вѣрится: пройдетъ сверкающій громами
Средь этой мглы божественный глаголь,
И туча черная могучими струями
Прорвется вся въ опустошенный доль.

И свѣтлою росой она его омочитъ,
Огонь стихій враждебныхъ утолитъ,
И весь свой блескъ небесный сводъ откроетъ
И всю красу земли недвижно озаритъ.

XIV

Мы сошлись съ тобой не даромъ,
И не даромъ, какъ пожаромъ,
Дышитъ страсть моя:
Эти пламенные муки
Только вѣрныя поруки
Силы бытія.

Въ бездну мрака огневую
Льетъ струю свою живую
Вѣчная любовь.
Изъ пылающей темницы
Для тебя перо Жарь-птицы
Я добуду вновь.

Свѣтъ изъ тьмы. Надъ черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики розъ твоихъ,
Если бъ въ сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень ихъ.

XV

Въ странѣ морозныхъ вьюгъ, среди сѣдыхъ тумановъ
Явилась ты на свѣтъ,
И, бѣдное дитя, межъ двухъ враждебныхъ становъ
Тебѣ приюта нѣтъ.

Но не смутятъ тебя воинственные клики,
Звонъ латы и стукъ мечей,
Въ раздумьи ты стоишь и слушаешь великій
Завѣтъ минувшихъ дней:

Какъ древле Вышній Богъ избраннику Еврею
Открыться обѣщаль,
И Бога своего, молитвой пламенѣя,
Пророкъ въ пустынѣ ждалъ.

Вотъ грохотъ подъ землей и гулъ прошелъ далеко,
И меркнетъ солнца свѣтъ,
И дрогнула земля, и страхъ объялъ пророка,
Но въ страхѣ Бога нѣтъ.

И слѣдомъ шумный вихрь и бурное дыханье,
И рокоть въ вышинѣ,
И съ нимъ великій огонь, какъ молніи сверканье,—
Но Бога нѣтъ въ огнѣ.

И смолкло все, укрощено смятенье,
Пророкъ не даромъ ждалъ:
Вотъ вѣсть тонкій хладъ *, и въ тайномъ дуновеньѣ
Онъ Бога угадалъ.

1882.

* „Гласъ хлада тонка“—выраженіе славянской Библии.

XVI

ТРИ ПОДВИГА.

Когда рѣзцу послушный камень
Предстанеть въ ясной красотѣ,
И вдохновенья мощный пламень
Дастъ жизнь и плоть твоей мечтѣ,
У заповѣднаго предѣла
Не мни, что подвигъ совершенъ,
И отъ божественнаго тѣла
Не жди любви, Пигмаліонъ!
Нужна ей новая побѣда:
Скала надъ бездною висить,
Зоветь въ смятенѣ Андромеда
Тебя, Персей, тебя, Алкидь!
Крылатый конь къ пучинѣ прынулъ,
И щитъ зеркальный вознесень,
И опрокинуть—въ бездну канулъ
Себя увидѣвшій драконъ.

Но незримый врагъ возстанеть,
Въ рогъ побѣдный не зови—
Скоро, скоро тризной станеть
Праздникъ счастья и любви.
Гаснуть радостные клики,
Скорбь и мракъ и слезы вновь...
Евридики, Евридики
Не спасла твоя любовь.
По воспрянь! душой недужной
Не склоняйся предъ судьбой,
Беззащитный, безоружный,
Смерть зови на смертный бой!
И на сумрачномъ порогъ,
Въ сонмъ плачущихъ тѣней
Очарованные боги
Узнають тебя, Орфей!
Волны пѣсни всепобѣдной
Потрясли Аида сводъ,
И владыка смерти блѣдной
Евридику отдаетъ.

XVII

Подъ чуждой властью знойной вьюги,
Видѣнья прежнія забывъ,
Я вновь таинственной подруги
Услышалъ гаснущій призывъ.
И съ крикомъ ужаса и боли
Желѣзомъ схваченный орелъ —
Затрепеталъ мой духъ въ неволѣ
И сътъ порвалъ и въ высь ушелъ.
И на заоблачной вершинѣ,
Предъ моремъ пламенныхъ чудесъ
Во всесіяющей святынѣ
Онъ загорѣлся и исчезъ.

1882.

XVIII

Безкрылый духъ, землю полоненный,
Себя забывшій и забытый богъ...
Одинъ лишь сонъ, — и снова окрыленный
Ты мчишься ввысь отъ суетныхъ тревогъ.

Неясный лучъ знакомаго блистанья,
Чуть слышный отзвукъ пѣсни неземной, —
И прежній міръ въ немеркнущемъ сіяньи
Встаетъ опять предъ чуткою душой.

Одинъ лишь сонъ — и въ тяжкомъ пробужденіи
Ты будешь ждать съ томительной тоской
Вновь отблеска нездѣшняго видѣнья,
Вновь отзвука гармоніи святой.

1883.

XIX

ЭПИГРАММА ДЖ. Б. СТРОЦЦИ НА СТАТУЮ „НОЧЬ“
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

1.

Ты Ночь здѣсь видишь въ сладостномъ покоѣ;
Изъ камня Ангеломъ изваяна она,
И если спать, то жизнью полна:
Лишь разбуди, — заговоритъ съ тобою!

2.

Отвѣтъ Микель-Анджело,

Мнѣ сладокъ сонъ, и слаще камнемъ быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядѣть — одно спасенье...
Умолкни, чтобъ меня не разбудить.

1883.

XX

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Хвалы и моленія Пресвятой Дѣвъ.

1.

Въ солнце одѣтая, звѣздо-вѣнчанная,
Солнцемъ превышнимъ любимая Дѣва!
Свѣтъ Его вѣчный въ себѣ ты сокрыла.
Немощнымъ звукамъ земного напѣва
Какъ вознестись къ тебѣ, Богомъ желанная!
Дай же, молю, мнѣ небесныя крыла,
Ты, что вовѣки свой слухъ не закрыла
Вѣрнаго сердца мольбамъ,
Но, милосердная къ тайнымъ скорбямъ,
Съ помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томить меня тѣсная,
Дай же прибѣжище сердцу больному,
Праху земному,
Царица небесная!

2.

Въ дѣвахъ премудрыхъ ты яркосвѣтящая!
Чистымъ елеемъ огонь твой нетлѣнный
Вѣчно горитъ и не знаетъ затменія.
Ты всѣмъ гонимымъ Покровъ неизмѣнный
Въ смертномъ бореньи ты знамя спасенія!
Щитъ всѣхъ скорбящихъ, ты всескорбящая!

Страсти безумной злое горѣніе
Да утолится тобою!
Съ неизреченной тоскою
Видѣла ты неземныя мученія.

Ими спасенный, зачѣмъ я страдаю?
Мною владѣеть врагъ побѣжденный!

Мыслью смущенной
Къ тебѣ прибѣгаю.

3.

Всепорочная, Дѣва пречистая,
Слова предвѣчнаго мать и созданіе!
Слава земной и небесной природы!
Сынъ твой и Вышняго Бога сіяніе, —
О, безконечности око лучистое! —

Въ вѣки послѣдніе, въ тяжкіе годы
Пристань спасенья, начало свободы

Намъ чрезъ тебя даровалъ.

Онъ одну между всѣми избралъ,
Онъ въ тебѣ возлюбилъ и грядущіе роды.

О, открой милосердія двери,
Всеблагодатная, къ жизни нетлѣнной
Душѣ смиренной
Въ любви и вѣрѣ.

4.

О, всесвятая, благословенная,
Лѣствица чудная, къ небу ведущая!
Съ неба ко мнѣ приклони свои очи!
Воду живую, въ вѣчность текущую,
Ты намъ дала, голубица смиренная,
Ты Солнце Правды во мракъ нашей ночи
Вновь возвела. Мать, невѣста и дочь,
Дѣва всеславная,
Міродержавная
И таинница Божьихъ совѣтовъ!
Проведи ты меня сквозь земные туманы
Въ горнія страны,
Въ отчизну свѣтовъ!

5.

Дѣва единая межъ земнородными,
Небо плѣнила ты чистой красою.
Въ цѣпи златой ты звено неразрывное,
Зла не касаяся волей святою,
Думами ясными, Богу угодными,

Храмомъ живымъ Его стала ты, дивная,
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Свѣтлою радостью вся расцвѣтеть,
Если молитва твоя низведетъ
Въ сердца пустыню небесъ изобиліе.
Въ духѣ смиренномъ склонивъ колѣна,
У всеобѣдной прошу защиты.
Цѣпь разорви ты
Земнаго плѣна.

6.

Свѣтлая Дѣва, вѣкъ неизмѣнная,
Въ плаваньи бурномъ звѣзда путеводная,
Кормчій надежный въ годину ненастную!
Знаешь ты скалы и камни подводные,
Видишь блужданья мои безысходныя.
Долго боролась душа, удрученная
Долей враждебною, волею страшною;
Сердце измучено битвой напрасною.
Немощь мою ты отъ вражьяго плѣна избавь,
Челнъ погибающій въ пристань направь!
Онъ ужъ, разбитый, не спорить съ грозой ужасной.
Успири же ты темное, бурное море,
Злобу и горе
Кротостью ясной!

7.

Лилія чистая среди нашихъ терній,
Въ мрачной пучинѣ жемчужина ясная,
Въ пламени зломъ купина не горящая,
Въ общемъ потопѣ ладья безопасная,
Облако свѣтлое мглою вечерней
Божьимъ избранникомъ ярко блестящее,
Радуга, небо съ землею мирящая,
Божьихъ завѣтовъ ковчегъ неизмѣнный,
Манны небесной фіаль драгоцѣнный,
Высь неприступная, Бога носящая!
Дольный нашъ міръ осѣни лучезарнымъ покровомъ,
Свыше ты осѣненная,
Вся озаренная
Свѣтомъ и словомъ!

1883.

XXI

Восторгъ души расчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню Музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ замѣнилъ и обманулъ глупцовъ.

Когда же самъ, разбить, разочарованъ,
Тоскуя, вспомнилъ онъ святую красоту,
Безсильный умъ, къ земной пыли прикованъ,
Напрасно призывалъ нетлѣнную мечту.

Былой любви плѣнительные звуки
Вложить въ скорбящій стихъ напрасно онъ хотѣлъ.
Не поднялись коснѣющія руки,
И блѣдный призракъ тихо отлетѣлъ.

1884.

XXII

L'ONDA DAL MAR' DIVISA.

Волна въ разлукѣ съ моремъ
Не вѣдаетъ покою,
Ключемъ ли бьетъ кипучимъ,
Иль катится рѣкою,—
Все ропщетъ и вздыхаетъ,
Въ цѣпяхъ и на просторѣ,
Тоскуя по безбрежномъ,
Бездонномъ синемъ морѣ.

1854.

XXIII

А. А. ФЕТУ, 19 октября 1884 г.

Перелетѣвъ на крыльяхъ лебединыхъ
Двойную грань пространства и вѣковъ,
Подслушалъ ты на царственныхъ вершинахъ
Живую пѣснь умолкнувшихъ пѣвцовъ.
И приманилъ твой сладкозвучный геній
Чужихъ боговъ на наши берега,
И подъ лучемъ воскресшихъ пѣснопѣній
Растаяли сарматскіе снѣга.
И пышный лавръ средь степи нелюдимой
На пѣснь твою расцвѣлъ и зашумѣлъ,
И самъ орелъ поэзіи родимой
Къ тебѣ съ высотъ невидимыхъ слетѣлъ *.

* А. А. Фетъ, котораго исключительное дарованіе, какъ лирика, было по справедливости оцѣнено въ началѣ его литературнаго поприща, подвергся затѣмъ продолжительному гоненію и глумленію по причинамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ поэзіи. Лишь въ послѣднее дѣсятилѣтіе своей жизни, этотъ несравненный поэтъ, которымъ должна гордиться наша литература, снова пріобрѣлъ благосклонность читателей и критиковъ. Первымъ публичнымъ выраженіемъ этой перемены въ отношеніи къ нему было сужденіе Академіи Наукъ, удостоившей полной Пушкинской преміи его переводы изъ Горація и Гете. Это признаніе его заслугъ имѣло для Фета особенное значеніе потому, что было связано съ именемъ боготворимаго имъ Пушкина (сюда относятся слова „самъ орелъ поэзіи родимой“).

XXIV

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шель къ таинственнымъ и чудныхъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилось мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я итти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

1885.

XXV

НА МОТИВЪ ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Пускай намъ разлуку судьба присудила, —
Зачѣмъ умножать неизбѣжныя муки?
О другъ, если сердце любить не забыло,
Ты въ часъ разставанья молчи о разлукѣ!
Отдать не хочу я враждующей силѣ
Блаженства послѣднихъ крылатыхъ мгновений,
Чтобъ могъ схоронить въ одинокой могилѣ
Я память любви безъ тоски и сомнѣній.
Чтобъ грезить я могъ до скончанія свѣта
Про нѣжныя ласки, про ясныя очи,
Пока не сойдешь ты, въ сіянье одѣта,
Меня пробудить отъ томительной ночи.

1885.

ИЗЪ ГАФИЗА.

(1835).

XXVI

Всѣхъ, кто здѣсь въ любовь не вѣритъ,
Я зову къ моей могилѣ!
Милой имя назовите
И дивитесь тайной силъ:
Стономъ жалобнымъ отвѣтитъ
Сердце бѣдное въ могилѣ.

XXVII

Что деревья вихорь бурный
Съ корнемъ вырываетъ,
То не диво — такъ отъ вѣка
На землѣ бываетъ.
Но какимъ же это чудомъ,
Какъ это случилось,
Что меня твоихъ прекрасныхъ,
Сладкозвучныхъ, тихихъ, ясныхъ
Усть дыханье убиваетъ?

XXVIII

Въ мрачной кельѣ замкнулъ я всѣ думы свои,
Я старался быть твердымъ, какъ камень;
Винovatъ ли я въ томъ, что изъ камня-любви
Вдругъ явились и искры, и пламень?

XXIX

Еслибъ вѣдалъ умъ, какъ сладко
Жить сердцамъ въ плѣну кудрей,
Поспѣшилъ бы онъ, конечно,
Самъ съ ума сойти скорѣй.

XXX

Для меня вопросъ мудреный
И труднѣйшая задача,
 Это стань моей Зулейки,
Ибо онъ такъ дивно тонокъ,
Что его считать я долженъ
За чистѣйшее ничто, —
И однакожь онъ есть нѣчто:
Бытiе съ небытiемъ
Здѣсь сливаются въ единствѣ
Осязательно простомъ,
А разсудокъ побѣжденный
Умолкаетъ со стыдомъ.

XXXI

Языковъ такъ много, много!
И во всѣхъ звучитъ одно:
По-ромейски, по-фарсійски —
Вѣрь въ любовь и пей вино.

XXXII

Не мани меня ты, шейхъ,
Четками напрасно!
Для Гафиза твои сѣти
Нынѣ безопасны.
Онъ попалъ внезапно въ секту
Злыхъ еретиковъ,
Опьяненныхъ
И влюбленныхъ
Въ розу соловьевъ.

XXXIII

Отъ улыбки твоей благодатной
Розъ кустарникъ расцвѣлъ ароматный,
А любви моей взоры горять
Въ яркомъ пурпурѣ этихъ гранатъ.

XXXIV

Горькой мудростью людскою
Я довольно наслаждался!
Еслибъ не трактирщикъ старый
Я бь и съ жизнью протился.

XXXV

Воды, шумящія волны, — потопъ угрожаетъ!
Мудро въ ковчегѣ себя сберегли вы—
Въ погребѣ винномъ: сидитъ тамъ съ сынами
Праотецъ нашъ, Гафизъ благочистивый.

Здравствуй о здравствуй, Ной нашего вѣка!
Ты не отвергъ ни единой скотины,—
Только педантъ да ханжа нечистивый
Гибнуть упрямо средь водной пучины.

XXXVI

Зачѣмъ ты пьешь? я знать желаю!
Скажу зачѣмъ: я золь и гордъ,
И въ море пьянства выѣзжаю,
Чтобъ зло все выбросить за бортъ.

XXXVII

ВЪ ЗЕМЛЮ ОБЪТОВАННУЮ

(посв. А. П. Саломону).

„Покинь скорѣй родимые предѣлы,
И весь твой родъ, и домъ отцовъ твоихъ,
И какъ стрѣлку его покорны стрѣлы—
Покорень будь глаголамъ устъ Моихъ.
Иди впередъ, о прежнемъ не тоскуя,
Иди впередъ, все прошлое забывъ,
И все иди,—доколь не укажу Я,
Куда ведетъ любви Моей призывъ“.

Онъ съ ложа всталъ и въ трепетномъ смущеньи
Не могъ рѣшить, то истина, иль сонъ...
Вдругъ надъ головой промчалось дуновение
Нездѣшнее—и снова слышитъ онъ:

„Отъ родныхъ многоводныхъ Халдейскихъ равнинъ,
Отъ нагорныхъ луговъ Арамейской земли,
Отъ Харрана, гдѣ дожилъ до позднихъ сѣдинъ,
И отъ Ура, гдѣ юные годы текли,—
 Не на годъ лишь одинъ,
 Не на много годинъ,
А на вѣчные вѣки уйди“.

И онъ собралъ дружину кочевую,
И по пути воскреснувшихъ лучей
Пустился въ даль туманно-голубую
На мощный зовъ таинственныхъ рѣчей:

„Вѣтъ прямо въ лицо теплый вѣтеръ морской,
Противъ вѣтра иди ты впередъ,
А когда небосклонъ далеко предъ тобой
Водъ великихъ всю ширь развернетъ,—
Ты налѣво тогда свороти
И впередъ поспѣшай,
По прямому пути,
На пути отдыхай,
И къ полудню на солнце гляди,—
Въ сторонѣ жъ будетъ градъ, или весь,
 Мимо ты проходи,
 И иди, все иди,
Пока самъ не скажу тебѣ: здѣсь!
Я навѣки съ тобой;
Мой завѣтъ сохрани:

Чистымъ сердцемъ и крѣпкой душой
Будь Мнѣ вѣренъ въ ненастье и въ ясные дни;
Ты ходи предо Мною
И назадъ не гляди,
А что ждетъ впереди —
То откроется вѣрой одной.
Се, Я клялся собой,
Объщаль Я, любя,
Что воздвигну всемірный Мой домъ изъ тебя,
Что прославятъ тебя всѣ земные края,
Что изъ рода потомковъ твоихъ
Выйдетъ миръ и спасенье народовъ земныхъ“.

1886.

XXXVIII

Какой тяжелый сонъ! Въ толпѣ нѣмыхъ видѣній,
Тѣнящихся и рѣющихся кругомъ,
Напрасно я ищу той благодатной тѣни,
Что тронула меня своимъ крыломъ.

Но только уступлю напору злыхъ сомнѣній,
Глухой тоской и ужасомъ объять, —
Вновь чую надъ собой крыло незримой тѣни,
Ея слова попрежнему звучать.

Какой тяжелый сонъ! Толпа нѣмыхъ видѣній
Растетъ, растетъ и заграждаетъ путь,
И еле слышится далекий голосъ тѣни:
Не вѣрь мгновенному, люби и не забудь.

1886.

XXXIX

Земля владычица! Къ тебѣ чело склонилъ я,
И сквозь покровъ благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутилъ я,
Услышалъ трепеть жизни міровой.
Въ полуденныхъ лучахъ такую нѣгой жгучей
Сходила благодать сіяющихъ небесъ,
И блеску тихому несли привѣтъ нѣвучій
И вольная рѣка, и многошумный лѣсъ.
И въ явномъ таинствѣ вновь вижу сочетанье
Земной души со свѣтомъ неземнымъ,
И отъ огня любви житейское страданье
Уносится какъ мимолетный дымъ.

1886.

XL

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали словно кладъ, —
Отчего же съ тоскою неожиданной,
Отчего я свободѣ не радъ?

Ноетъ сердце и падаютъ руки,
Все такъ тускло и глухо вокругъ
Съ рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный другъ.

XLI

(Посв. В. Л. Величко).

Пора весеннихъ грозъ еще не миновала,
А ужъ зима пришла,
И старость ранняя неожиданно рассказала,
Что жизнь свое взяла.
И надъ обрывами безцѣльнаго блужданья
Повисъ сѣдой туманъ,
Душа не чувствуетъ бывалаго страданья,
Не помнить старыхъ ранъ.
И, воздухъ горный радостно вдыхая,
Я въ новый путь готовъ,
Далеко отъ цвѣтовъ увянувшего мая,
Отъ жаркихъ лѣтнихъ сновъ.

1886.

XIII

ВЪ АЛЬПАХЪ.

Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой...
Зыбкую насыпь надеждъ и желанія
Смыло волной голубой.

Синія горы кругомъ надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души надъ землею поднимаются,
Но не покинуть земли.

Въ берегъ надежды и въ берегъ желанія
Плещетъ жемчужной волной
Мыслей безъ рѣчи и чувствъ безъ названія
Радостно-мощный прибой.

1886.

XLIII

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЙ.

Меркнетъ день. Надъ усталой, поблекшей землей
Неподвижныя тучи висятъ.
Подъ прощальнымъ уборомъ листьвы золотой
И березы, и липы сквозятъ.
Душу обняли нѣжно-тоскливые сны,
Замерла безконечная даль,
И роскошно блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И какъ будто земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ,
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ, безмолвныхъ духовъ.

1886.

XLIV

ИЗЪ „VITA NUOVA“ ДАНТЕ.

(Посв. М. С. Соловьеву).

Все въ мысляхъ у меня мгновенно замираетъ,
О, радость свѣтлая, завижу лишь тебя!
Приблизиться хочу,—любовь меня пугаетъ
И говорить: бѣги! или умри, любя!
Съ туманомъ борются темнѣющіе взгляды...
Что въ сердцѣ у меня—ты на лицѣ прочтешь,
И камни самые спасительной ограды
Подъ трепетной рукой кричатъ: бѣги—умрешь!
Ты видѣла меня, и взоръ твой молчаливый
Душа убитая въ гробу своемъ звала.
Лучъ жалости одинъ, лучъ жалости стыдливой,—
И, вновь воскреснувши, она бы расцвѣла;
Но, смерть свою любя, съ надеждой боязливой
Она вотще твой взоръ молила и ждала.

1886.

XLV

Другъ мой! прежде, какъ и нынѣ,
Адониса отпѣвали.
Стонъ и вопль стоялъ въ пустынѣ,
Жены скорбныя рыдали.

Другъ мой! прежде, какъ и нынѣ,
Адонисъ вставалъ изъ гроба,
Не страшна его святынѣ
Вражьихъ силъ слѣпая злоба.

Другъ мой! нынѣ, какъ бывало,
Мы любовь свою отпѣли,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ея зардѣли.

XLVI

ПОЛЛІОНЪ.

(Четвертая эклога Вергилія).

Музы Сициліи! Пѣснь теперь мы начнемъ поважнѣе.
Радуютъ сердце не всѣмъ кустарникъ и низкія травы.
Пѣть намъ лѣса,—пусть лѣса достойны консула будутъ
Возрасть послѣдній уже насталь по кумейскимъ
вѣщаньямъ.

Новыхъ великихъ вѣковъ чреда зарождается нынѣ.
Вотъ ужъ и Дѣва грядеть, грядеть и Сатурново царство.
Новое племя уже съ небесъ посылается горнихъ.
Ты же къ младенцу тому, съ кѣмъ желѣзный вѣкъ
прекратится,

Съ кѣмъ для міра всего взойдутъ времена золотыя,
Чистая, ласкова будь, Люцина: твой Фебъ уже править.
Онаго вѣка краса при тебѣ, Полліонъ, зародится.
Консульство узритъ твое начатки время величайшихъ,

И хоть еще при тебѣ слѣды грѣха рокового
Будутъ у насъ, но вотще: мы вѣчнаго страха избудемъ.
Жизнь боговъ воспринявъ, онъ вмѣстѣ съ богами

увидитъ

Всѣхъ героевъ земли, и самъ будетъ зримъ между ними.
Миръ примиривъ, воцаритъ онъ отчую силу надъ міромъ.
Первымъ, младенецъ, тебѣ земля незатѣйливымъ даромъ
Стелеть выющійся плющъ и съ нимъ ползучія травы,
Дальше — блестящій аканѣъ вперемежку съ розой.

индійской.

Козы домой понесутъ сосцы, растяженные млекою,
Сами: чудовищныхъ львовъ стада бояться не будутъ.
Сами собою цвѣты дадутъ тебѣ мягкое ложе.
Сгинетъ и змѣй, а за нимъ и зелье лукавое сгинетъ,
И ассирійскій амомъ рождаться станеть повсюду.
Только что ты о дѣлахъ отца и про славу героевъ
Станешь читать и начнешь постигать, въ чемъ доблести

сила, —

И понемногу поля зажелтѣютъ колосомъ мягкимъ,
И на дикихъ лозахъ повиснутъ багряные грозды,
Твердый же дубъ источать росу медвяную станеть.
Но не совсѣмъ пропадутъ созданія древней обиды.
Нужно будетъ еще Оетиду пытать кораблями,
Грады стѣной окружать, бороздами взрѣзывать землю.
Явится Тифисъ другой и снова героевъ избранныхъ
Арго другой повезеть, и войны тѣ жъ повторятся,
И вторично пошлютъ Ахилла великаго къ Троѣ.
Но лишь мужемъ тебя окрѣпшій содѣлаетъ возрастъ,

Съ моря исчезнетъ пловецъ, и соснѣ корабельной
товаровъ
Ужъ не мѣнять: вся земля давать всѣмъ поровну будетъ;
Почвы не тронетъ кирка, и ножъ лозы не коснется.
Пахарь дородный тогда воловъ избавить отъ ига.
Больше не будутъ ужъ насъ обманывать краской
искусной
Ткани, но сами въ лугахъ овны окрашивать будутъ
Пурпуромъ нѣжнымъ руно, иль яркимъ цвѣтомъ
шафрана.
Самъ собою сандиксъ пасущихся агнцевъ одѣнетъ.
Вотъ какіе вѣка соткутъ на своихъ веретенахъ
Съ волею вышнихъ судьбъ неизмѣнно согласныя Парки.
Къ почестямъ ты приступи, — настало ужъ время, — къ
великимъ,
Отпрыскъ боговъ дорогой, великій Зевса питомецъ!
Узришь нынѣ сей міръ, что движется тяжестью круглой,
Земли, пучины морей и неба глубокаго своды, —
Узришь, чтобъ радостью все грядущій вѣкъ поветрѣчало.
О, если бѣ мнѣ сохранить остатокъ жизни и силы,
Духа довольно, чтобъ могъ твои возвѣстить я дѣянья!
Въ пѣсняхъ тогда бы меня ни еракійцу Орфею, ни Лину
Не побѣдить, хотя бѣ имъ отецъ и мать помогали:
Калліопея тому, а этому — Фебъ свѣтозарный.
Панъ предъ Аркадіей всей когда бы со мной состязался,
— Панъ предъ Аркадіей всей призналъ бы себя
побѣжденнымъ.
Нынѣ, младенецъ, начни улыбкой привѣтствовать мать,

Дѣсять ужъ мѣсяцевъ ей, смѣняясь, труда не мѣняли.
Нынѣ начни ты: кого не встрѣчали родители лаской,
Тотъ ни трапезы боговъ, ни ложа богинь не достоинъ.

1887.

Примѣчаніе. Эта эклога, которая кажется загаочною даже скептическому историку Гиббону, содѣйствовала обращенію Константина Великаго въ христіанство и сдѣлала изъ Вергилія почти святого въ глазахъ средневѣковыхъ христіанъ. Общій смыслъ стихотворенія ясенъ. Объединеніе тогдашняго историческаго міра въ Имперіи Августа вызвало въ поэтѣ ожиданіе еще болѣе великаго переворота—наступленія золотого вѣка, или Сатурнова Царства съ возвращеніемъ на землю дѣвы Астреи, богини правды и мира. Знакомство Вергилія съ мессіанскими пророчествами евреевъ не представляетъ ничего невозможнаго. Загаочнымъ остается только отношеніе всѣхъ этихъ грандіозныхъ предсказаній къ тому дѣйствительному римскому младенцу (былъ ли это сынъ консула Полліона, или кого-либо другаго), съ которымъ связано это стихотвореніе. — Сначала мой переводъ былъ болѣе свободнымъ и легкимъ, но покойный А. А. Фетъ настойчиво совѣтовалъ мнѣ держаться подлинника, по возможности съ буквальною точностью, и въ виду историческаго значенія четвертой эклоги я рѣшился послѣдовать этому совѣту.

XLVII

Бѣдный другъ! истомилъ тебя путь,
Темень взоръ, и вѣнокъ твой измятъ,
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть.
Потускнѣль, догорая, закатъ.

Гдѣ была и откуда идешь,
Бѣдный другъ, не спрошу я любя;
Только имя мое назовешь —
Молча къ сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царятъ на землѣ, —
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви.

17 сент. 1887.

XLVIII

Зной безъ сіянія, тучи безводныя,
Шумъ городской суеты.
Въ сердцѣ тоскующемъ думы безплодныя,
Трепетъ безкрылой мечты.

Жду, когда новая туча надвинется,
Думы прольются въ слезахъ,
И надъ разбитою скорбью поднимется
Ликъ твой, какъ солнце въ лучахъ.

1890.

XLIX

Не по волѣ судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбилъ,
И любовію вѣщей моей
Отъ невидимой злобы, отъ тайныхъ сѣтей
Я тебя ограждалъ, я тебя оградилъ.

Пусть собираются тучи кругомъ,
Вѣетъ бурей зловѣщей и слышится громъ,
Не страшися! Любви моей щить
Не падеть передъ темной судьбой.
Межъ небесной грозой и тобой
Онъ, какъ встарь, неподвижно стоитъ.

А когда предъ тобою и мной
Смерть погаситъ всѣ свѣточы жизни земной,
Пламень вѣчной души, какъ съ Востока звѣзда,
Поведетъ насъ туда, гдѣ немеркнуцій свѣтъ,
И предъ Богомъ ты будешь тогда,
Передъ Богомъ любви — мой отвѣтъ.

1890.

L

EX ORIENTE LUX.

„Съ Востока свѣтъ, съ Востока силы!“
И, къ вседержительству готовъ,[!]
Ирана царь подъ Оермопилы
Нагналъ стада своихъ рабовъ.

Но не напрасно Прометея
Небесный даръ Элладѣ данъ.
Толпы рабовъ бѣгутъ, блѣднѣя,
Предъ горстью доблестныхъ гражданъ.

И кто жъ до Инда и до Ганга
Стезею славною прошелъ? }
То македонская фаланга,
То Рима царственный орель.

И силой разума и права —
Всечеловѣческихъ началъ —
Воздвиглась Запада держава,
И міру Римъ единство далъ.

Чего жъ еще недоставало?
Зачѣмъ весь міръ опять въ крови?
— Душа вселенной тосковала
О духѣ вѣры и любви!

И слово вѣщее не ложно,
И свѣтъ съ Востока засіялъ,
И то, что было невозможно,
Онъ возвѣстилъ и обѣщаль.

И, разливаясь широко,
Исполненъ знаменій и силъ,
Тотъ свѣтъ, исшедшій отъ Востока,
Съ Востокомъ Западъ примирилъ.

О, Русь! въ предвидѣннѣ высокомъ
Ты мыслью гордой занята;
Какимъ же хочешь быть Востокомъ:
Востокомъ Ксеркса или Христа?

1890.

LI.

Тамъ, подъ липой у рѣшетки
Мнѣ назначено свиданье...
Я иду, какъ агнецъ кроткій,
Обреченный на закланье.

Все какъ прежде: по высотамъ
Звѣзды старыя моргаютъ,
И въ кустахъ по старымъ нотамъ
Соловьи концертъ играютъ.

Я порядка не нарушу, —
Но имѣй же состраданье:
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье.

ЛП

Пусть тучи темныя грозящую толпою
 Лазурь заволокли, —
Я вижу лунный блескъ: онъ ихъ тяжелой мглою
 Не отнять у земли.

Пусть тьма житейскихъ золь опять насъ разлучила,
 И снова счастья нѣтъ, —
Сквозь тьму издалека таинственная сила
 Мнѣ шлетъ твой тихій свѣтъ.

Края разбитыхъ тучъ сокрытыми лучами
 Ужъ мѣсяць серебрить.
Еще одинъ лишь мигъ; и ликъ его надъ нами
 Въ лазури заблестить.

1891.

ЛШ

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

Я рабъ грѣха. Во гнѣвѣ яромъ
Я египтянина убилъ,
Но утрашенъ своимъ ударомъ,
За братьевъ я не отомстилъ.

И трепеща неравной брани,
Бѣжалъ, невѣдая куда,
И вотъ въ пустынномъ Мидіанѣ
Косяю долгіе года.

Въ трудахъ безславныхъ, въ сонной лѣни,
Какъ сынъ пустыни я живу
И къ Мидіанкѣ на колѣни
Склоняю праздную главу.

И рѣже все и все туманнѣй,
Встаютъ еще передъ умомъ
Картины молодости ранней
Въ моемъ отечествѣ чужомъ.

И смутно видятся чертоги,
Гдѣ солнца жрецъ меня училъ,
И размалеванные боги
И голубой златистый Ниль.

И слышу глухо стоны братій,
Насмѣшки гордыхъ палачей
И ропотъ сдавленныхъ проклятій,
И крики брошенныхъ дѣтей...

Я рабъ грѣха. Но силою новой
Вчера весь духъ во мнѣ разыгралъ,
А предо мною кустъ терновый
Огнемъ горѣлъ и не сгоралъ.

И слышалъ я: „Народъ Мой нынѣ
Какъ тернъ для вражескихъ очей,
Но не сгорѣть его святынѣ:
Я клялся Вѣчностью Моей.

Трепещутъ боги Мицраима,
Какъ туча слава ихъ пройдетъ,
И купиной неопалимой
Израиль въ мірѣ расцвѣтетъ“.

4 Сент. 1891.

LIV

КУМИРЪ НЕБУКАДНЕЦАРА.

Онъ былъ великъ, тяжелъ и страшень,
Съ лица какъ быкъ, спиной — драконъ,
Надъ грудой жертвенною брашенъ
Кадильнымъ дымомъ окружень.

Толпы несмѣтныя кишѣли,
А тамъ подъ мусикійскій громъ
Жрецы послушно гимны пѣли,
Склонясь предъ новымъ алтаремъ.

И отъ Египта до Памира
На зовъ сошлись князья земли
И рукотворнаго кумира
Владыкой жизни нарекли.

И противъ идола на тронѣ,
Въ рукѣ держа священный шаръ
И въ семярусной коронѣ
Явился Небукаднецаръ.

Онъ говорилъ: „мои народы!
Я царь царей, я богъ земной.
Вездѣ топталъ я стягъ свободы,
Земля умолкла предо мной.

Но видѣлъ я, что дерзновенно
Другимъ молились вы богамъ,
Забывъ, что только царь вселенной
Могъ дать боговъ своимъ рабамъ.

Теперь вамъ богъ дается новый,
Его святилъ мой царскій мечъ,
А для ослушниковъ готовы
Кресты и пламенная печь“.

И по равнинѣ дикимъ стономъ
Пронесся кличъ: „ты богъ боговъ!“
Сливаясь съ мусикійскимъ звономъ
И съ гласомъ трепетныхъ жрецовъ.

Въ сей день безумства и позора.
Я крѣпко къ Господу воззвалъ,

И громче мерзостнаго хора
Мой голосъ въ небѣ прозвучаль.

И отъ высотъ Нахараима
Дохнуло бурною зимой.
Какъ пламя жертвенника зримо
Твердь разступилась надо мной.

Все небо ярко пламенѣло...
И дунуль духъ и погасиль
Огонь небесъ, и поблѣднѣло
Лице земли предъ Богомъ силъ.

И бѣлоснѣжныя метели
Мѣшаясь съ градомъ и дождемъ,
Корою льдистою одѣли
Равнину Дурскую кругомъ.

Онъ палъ въ паденіи великомъ
И опрокинутый лежалъ,
А отъ него въ смятенѣ дикомъ
Народъ испуганный бѣжалъ.

.
1891.

LV

СКРОМНОЕ ПРОРОЧЕСТВО.

Повернуло къ лѣту Божье око,
На землѣ жъ все злѣй и злѣй морозы..
Вы со мною холодны жестоко,
Но я чую, чую запахъ розы.

Я въ пророки возведенъ врагами,
Насмѣхъ это дали мнѣ прозванье,
Но пророкъ правдивый я предъ вами,
И свершится скоро предсказанье.

Я пророчу, — слушайте, дріада!
Снѣгъ растаетъ, и минуетъ холодъ,
И земля воскреснетъ, солнцу рада,
И проснется лѣсъ, какъ прежде молодъ.

Я пророчу, — это между нами —
Что гулять вы будете по саду
И впивать и носомъ и глазами
Майской ночи свѣтлую отраду.

1891.

LVI

П А М Я Т Ь.

Мчи меня, память, крыломъ не старѣющимъ
Въ милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарищѣ тлѣющемъ
Въ сумракѣ зимнемъ одну.

Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни тамъ двѣ сожжены,
Новое что - то вдали начинается
Вмѣсто погибшей весны.

Далѣе, память! Крыломъ тиховѣющимъ
Образъ навѣи мнѣ иной...
Вижу ее на лугу зеленѣющемъ
Свѣтлою лѣтней порой.

Солнце играет надъ дикою Тосною,
Берегъ отвѣсный высокъ...
Видю знакомыя старыя сосны я,
Бѣлый сыпучій песокъ...

Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладѣла душой,
Словно тѣ прежнія слезы пролитыя
Льются воскресшей волной.

29 февр. 1892.

LVII

.....
Пусть осень ранняя смѣется надо мною,
Пусть серебрить морозъ мнѣ темя и виски, —
Съ весеннимъ трепетомъ стою передъ тобою,
Исполненъ радости и молодой тоски.

И съ милымъ образомъ не хочется разстаться,
Довольно мнѣ борьбы, стремленій и потерь.
Всю жизнь, съ которою такъ тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь.

1892.

LVIII

.....
Быль трудень долгій путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступныя кругомъ сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдругъ посыпались зарей вечерней розы,
Душа почувяла два легкія крыла,
И въ новую страну неистоимой грезы
Любовь - волшебница меня перенесла.

Поляна чистая луною серебритя,
Деревья стройныя недвижимо стоять,
И нѣжныхъ эльфовъ рой мелькаетъ и кружится,
И феи блѣдныя задумчиво скользятъ

LIX

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами?

Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій —
Только откликъ искаженный
Торжествующихъ созвучій?

Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ —
Только то, что сердце къ сердцу
Говорить въ нѣмомъ привѣтѣ?

LX

День прошелъ съ суетой безошадною.
Вкругъ меня благодатная тишь,
А въ душѣ ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздѣльно царишь.
Всѣ порывы и чувства мятежныя,
Злую жизнь, что кипѣла въ крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой, беззавѣтной любви.
Днемъ луна словно облачко блѣдное
Чуть мелькнетъ бѣлизною своей,
А въ ночи — передъ ней всеподобною
Гаснутъ искры небесныхъ огней.

1892.

LXI

Нѣтъ вопросовъ давно, и не нужно рѣчей,
Я стремлюся къ тебѣ словно къ морю ручей,
Безъ сомнѣній и думъ милый образъ ловлю,
Знаю только одно, — что безумно люблю.

Въ аломъ блескъ зари я тебя узнаю,
Вижу въ свѣтѣ небесъ я улыбку твою,
А когда безъ тебя суждено умереть,
Буду яркой звѣздой надъ тобою горѣть.

1892.

LXII

Вѣтеръ съ западной страны
Слезы навѣваетъ...
Плачетъ небо, стонетъ лѣсъ,
Соснами качаетъ.

То изъ края мертвецовъ
Вопли къ намъ несутся...
Сердце слышитъ и дрожить,
Слезы льются, льются...

Вѣтеръ съ запада утихъ,
Небо улыбнулось,
Но изъ края мертвецовъ
Сердце не вернулось.

1892.

LXIII

Тѣсно сердце,—я вижу,—твое для меня,
А разбить его было бѣ мнѣ жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя и забыть мнѣ невмочь:
Міръ тогда потеряетъ все краски,
И замолкнуть навѣкъ въ эту черную ночь
Все безумныя пѣсни и сказки.

1892.

LXIV

Зачѣмъ слова? Въ безбрежности лазурной
Эфирныхъ волнъ созвучныя струи
Несутъ къ тебѣ желаній пламень бурный
И тайный вздохъ нѣмѣющей любви.

И трепеща у милого порога,
Забытыхъ грезъ къ тебѣ стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Одинъ лишь мигъ, — и я передъ тобой.

И въ этотъ мигъ незримаго свиданья
Нездѣшній свѣтъ вновь озаритъ тебя,
И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

1892.

LXV

Тамъ, гдѣ семьей столпились ивы
И пробивается ручей,
По дну оврага торопливо,
Запѣлъ послѣдній соловей.

Что это? Радость обновленья,
Иль безнадежное прости?..
А вдалекѣ несло съ движенье
И гулъ желѣзнаго пути.

И небо высилось ночное
Съ невозмутимостью святой
И надъ любовію земною
И надъ земною суетой...

1892.

LXVI

О, что значать всѣ слова и рѣчи,
Этихъ чувствъ отливъ или прибой
Передъ тайною нездѣшной нашей встрѣчи,
Передъ вѣчною, недвижною судьбой?

Въ этомъ мірѣ лжи — о какъ ты лжива!
Средь обмановъ ты живой обманъ,
Но вѣдь онъ со мной, онъ мой, тотъ мигъ счастливый,
Что разсѣетъ весь земной туманъ.

Пусть и ты не вѣришь этой встрѣчѣ,
Все равно, — не спорю я съ тобой.
О, что значать всѣ слова и рѣчи
Передъ вѣчною, недвижною судьбой?

LXVII

Милый другъ, не вѣрю я нисколько
Ни словамъ твоимъ, ни чувствамъ, ни глазамъ,
И себѣ не вѣрю, вѣрю только
Въ высотѣ сіяющимъ звѣздамъ.

Эти звѣзды мнѣ стезею млечной
Насылаютъ вѣрныя мечты,
И растятъ въ пустынѣ безконечной
Для меня нездѣшніе цвѣты.

И межъ тѣхъ цвѣтовъ, въ томъ вѣчномъ лѣтѣ,
Серебромъ лазурнымъ облита,
Какъ прекрасна ты, и въ звѣздномъ свѣтѣ
Какъ любовь свободна и чиста!

LXVIII

Вижу очи твои изумрудныя,
Свѣтлый обликъ встаетъ предо мной.
Въ эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.

Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бѣдный мой другъ,
Но не бойся: тебя не покину я, —
Онъ сомкнулся, магическій кругъ.

Въ эти сны наяву, непробудные,
Унесетъ насъ волною одной.
Вижу очи твои изумрудныя,
Свѣтлый обликъ стоитъ предо мной.

LXIX

Если желанья бѣгутъ словно тѣни,
Если обѣты пустыя слова, —
Стоить ли жить въ этой тьмѣ заблужденій,
Стоить ли жить, если правда мертва?

Вѣчность нужна ли для праздныхъ стремленій,
Вѣчность нужна ль для обманчивыхъ словъ,
Что жить достойно, живетъ безъ сомнѣній,
Вышая сила не знаетъ оковъ.

Вышую силу въ себѣ созная,
Что жъ тосковать о ребяческихъ снахъ?
Жизнь только подвигъ, — и правда живая
Свѣтитъ безсмертьемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

LXX

ИЗЪ ТЕННИСОНА

(памяти О. Н. Смирновой).

Когда весь черный и нѣмой
Нисходитъ часъ желанныхъ сновъ,
Ты не зови меня домой,
Безмолвный голосъ мертвецовъ!
О, не зови меня туда,
Гдѣ свѣтъ дневной такъ одинокъ.
Вонъ за звѣздой зажглась звѣзда,
Ихъ путь безбреженъ и высокъ:
Туда — въ сверкающій потокъ,
Въ завѣтный часъ послѣднихъ сновъ
Влеки меня, безмолвный зовъ.

1893.

LXXI

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

Все память возвратить готова:
Мѣста и лица, день и часъ, —
Одно лишь не вернется снова,
Одно, что дорого для насъ.

Все внѣшнее опять предъ нами,
Себя лишь намъ не воскресить
И съ обновленными струнами
Душевный строй не согласить.

LXXII

НА ПАЛУБѢ ТОРНЕО.

Посмотри: поблѣднѣль серпъ луны,
Поблѣднѣла звѣзда Афродиты,
Новый отблескъ на гребнѣ волны...
Солнца вмѣстѣ со мной подожди ты!

Посмотри, какъ потоками кровь
Заливаетъ всю темную силу.
Старый бой разгорается вновь...
Солнце, солнце опять побѣдило!

1893.

LXXXIII

ПО ДОРОГѢ ВЪ УПСАЛУ.

Гдѣ ни взглянешь, — всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего же такъ близка мнѣ
Эта бѣдная страна?

Здѣсь съ природой въ вѣчномъ спорѣ
Человѣка духъ растеть
И съ бушующаго моря
Небесамъ свой вызовъ шлетъ.

И средь смутныхъ очертаній
Этихъ камешныхъ высотъ
Въ блескѣ сѣверныхъ сіяній
Къ царству духовъ виденъ входъ.

Знать не даромъ изъ Кашмира
И съ полуденныхъ морей
Въ этотъ край съ начала міра
Шли толпы богатырей.

1893

LXXIV

НА ПАЛУБѢ ФРИТЮФА.

Только имя одно я успѣлъ прошептать
За звѣздой, что скатилася въ море;
Пожелать не успѣлъ, да и поздно желать:
Все минуло, и счастье, и горе.

Берегъ скрылся давно, занять весь кругозоръ
Одинокой пучиной морскою.
Въ одинокой душѣ тотъ же вольный просторъ,
Что вокругъ предо мной и за мною.

1893.

LXXV

ЛУННАЯ НОЧЬ ВЪ ШОТЛАНДИИ

(памяти гр. Ө. Л. Соллогуба).

По долинѣ межъ горъ
Лунный лучъ пробрался мнѣ въ окно.
Выходи, выходи на просторъ!
Что за сонъ, не заснуть все равно.

Ярче свѣтлаго сна, наяву
Вся долина въ сѣяньи лежитъ.
Никого, никого я съ собой не зову,
Пусть одинъ водопадъ говорить.

Выше, выше, туда, гдѣ стоитъ
Одинокая ель надъ скалой,
Гдѣ ручей межъ камней невидимкой бѣжитъ,
Тамъ, гдѣ гномы живутъ подъ землей.

Шире, шире растеть кругозоръ,
Все яснѣй и яснѣй при лунѣ
Очертанія сѣрья горъ,
Отраженныхъ въ Ломондской волнѣ.

Отчего жъ этой ночи краса
Словно призракъ безмолвный грусна?
Свѣтъ холодный струять небеса,
И земля какъ луна холодна.

Точно свѣтлый простерть балдахинъ
Надъ гробами минувшихъ вѣковъ,
Точно въ лунную ночь на землѣ я одинъ
Средь незримой толпы мертвецовъ.

Проникаетъ до самой души
Лунный холодъ, что льется вокругъ...
Что же это въ недвижной тиши
Всколыхнулось и грянуло вдругъ?

Голоса изъ невидимыхъ странъ,
Дикихъ звуковъ несслыханный рядъ,
Воетъ рогъ и гремитъ барабанъ,
И неистово флейты визжать.

Одинокая ель ожила
И навстрѣчу вѣтвями шумить,
Ожила и нѣмая скала,
Въ тайномъ трепетѣ мшистый гранить.

.

ПѢСНЬ ГОРЦЕВЪ.

Слава вождю, что ведетъ насъ къ побѣдамъ!
Онъ носить на знамени вѣчно зеленую ель.
Всюду за ней мы, и страхъ намъ невѣдомъ,
Клань-Альпинъ гроза для окрестныхъ земель.

.
Что намъ цвѣты въ ихъ измѣнчивой славѣ?
Чѣмъ ярче весна, тѣмъ ихъ гибель грустнѣй.
Зимней порой ни листочка въ Троссахской дубравѣ:
Туть-то гордимся мы елью зеленой своей.

Корни глубоко въ расщелины скалъ запустила,
Зимнія бури надъ ней истощать свои силы,
Чѣмъ онѣ крѣпче, тѣмъ крѣпче срастется съ род-
ною горой.

Пусть же Монтэйтъ съ Брэдалбанской землею
Снова и снова гремятъ ей хвалою:
Родеригъ Вих-Альпинъ-дху, го! іэрой!

Гордо нашъ пиброхъ звучалъ въ Глэн-Фруинѣ,
И Баннохаръ стономъ ему отвѣчалъ:
Глэн-Люессъ и Росс-дху дымятся въ долину,
Пустыней весь берегъ Лох-Ломонда сталъ.
Вдовамъ и дѣвамъ саксонскимъ вовѣкъ
Памятенъ будетъ нашъ ярый набѣгъ,

Страхомъ и горемъ онѣ поминать тебя будутъ,
альпинскій герой!

Въ трепетѣ Леннокъ и Левенглэнъ,
Только слышать вблизи своихъ стѣнь:
*Родригъ Вих-Альпинъ-доху, го! іэрой! **

Дикіе клики звучали побѣдно...
Мигъ лишь,—и снова безмолвье царить.
Призраки звуковъ замолкли безслѣдно,
Только ручей подъ камнями шумить.
Старая ель и холодныя скалы,
Въ мертвомъ просторѣ сіяетъ луна.
Пѣсня былого навѣкъ отзвучала,
Дикая жизнь—не воскреснетъ она!

авг. 1893.

Инверснэдъ на Лох-Ломондѣ.

* Привѣтственный кличъ вождю на гаэльскомъ языкѣ.
Эта пѣсня есть почти буквальный переводъ изъ Вальтера
Скотта (Lady of the lake).

LXXVI

ПРОЩАНЬЕ СЪ МОРЕМЪ.

Снова и снова иду я съ тоскою влюбленной.
Жадно впиваться въ твою безконечность очами,
Нужно разстаться и съ этой подругою свѣтло-
зеленой.

Вмѣстѣ, о море, мы ропщемъ, но влаги соленой
Я не умножу слезами.

Въ путь одинокій и зимній съ собой заберу я
Это движенье живое, и голосъ и краски;
Въ ночи безсонныя, дальней краскою чаруя,
Ты мнѣ напомнишь свои незабвенныя ласки.

Ноябрь 1893.

Динарь.

LXXVII

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ

(1 января 1894).

Новый годъ встрѣчаютъ новыя могилы,
Тѣсенъ для былого новой жизни кругъ,
Радостное слово прозвучить уныло, —
Все же: съ новымъ годомъ старый, бѣдный другъ!

Власть ли роковая, или немощь наша
Въ злую страсть одѣла свѣтлую любовь, —
Будемъ благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорѣла, мы свободны вновь.

Лишь бы только время, сокрушивъ неволю,
Не взяло и силы любящихъ сердець,
Лишь бы только призракъ несвершенной доли
Не глядѣлся въ душу, какъ живой мертвецъ.

LXXVIII

МОПРЕПО.

Сѣрое небо и сѣрое море
Сквозь золотыхъ и пурпурныхъ листовъ,
Словно тяжелое старое горе
Смогло въ послѣднемъ прощальномъ уборѣ
Свѣтлыхъ, прозрачныхъ и радужныхъ сновъ.

Сент. 1894.

LXXIX

КОЛДУНЪ КАМЕНЬ

(посвящается Л. М. Лопатину).

Эти мшистыя громады
Сердце тянуть какъ магнитъ.
Что отъ смертнаго вамъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Молвить древнее сказанье,
Что сѣдые колдуны
Правымъ рокомъ въ наказанье
За ужасныя дѣянья
Въ камни тѣ превращены.

Спать въ нѣмомъ оцѣпенѣньи,
Лишь одинъ однажды въ вѣкъ
Въ свой чередъ изъ усыпленья
Встанетъ камень-человѣкъ.

Борода торчитъ сѣдая,
Какъ у волка взоръ горить,

И, дыханье забирая,
Грудь могучая дрожить.

Заклинанье раздается,
Мгла кругомъ потрясена,
И со стономъ въ берегъ бьется
Моря финскаго волна.

Воетъ буря, гуль и грохотъ,
Море встало, какъ стѣна,
И далече слышенъ хохотъ
И проклятья колдуна.

Сила адскаго дыханья
Всю пучину подняла,
Гибнуть грѣшныя созданья,
Гибнуть грѣшныя дѣла.

И свершивъ предназначенье,
Вѣщій камень снова спитъ,
Но надъ нимъ — залогъ прощенья —
Тихо звѣздочка горитъ.

Эти мшистыя громады
Сердце тянутъ какъ магнитъ.
Что отъ смертнаго вамъ надо,
Что за тайна здѣсь лежитъ?

Сент. 1894. Выборгъ.

LXXX

Что этой ночью съ тобой совершилося?
Ангель надеждъ говорилъ ли съ тобой?
Или вчерашней грозой истомилося
И отдыхаешь предъ новой борьбой?

Тихо лепечуть струи озаренныя,
Тихо сіяеть небесъ благодать,
Только вдали дерева обнаженныя
Вдругъ прошумять и замолкнуть опять.

Сент. 1894.

LXXXI

С А Й М А.

Озеро плещеть волной безпокойною.
Словно какъ въ морѣ растущій прибой,
Рвется къ чему - то стихія нестройная,
Спорить о чемъ - то съ враждебной судьбой.

Знать не по сердцу оковы гранитныя!
Только въ безмѣрномъ отраденъ покой.
Снятся былые вѣка первобытныя,
Хочется снова царить надъ землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вѣчный позоръ добровольнымъ рабамъ.
Сбудется сонъ твой, стихія великая,
Будетъ просторъ всѣмъ свободнымъ волнамъ.

Сент. 1894.

LXXXII

(посв. Н. Е. Ауэръ).

Этотъ матово - свѣтлый жемчужный просторъ
Въ небесахъ и въ зеркальной равнинѣ,
А вдали этотъ черный застывшій узоръ, —
Тамъ, гдѣ лѣсъ отразился въ пучинѣ.

Если воздухъ прозрачный доноситъ порой
Дѣтскій крикъ иль бубенчики стада —
Здѣсь и самые звуки звучать тишиной,
Не смущая безмолвной отрады.

Такъ остаться бы вѣкъ — и свѣтло, и тепло
Здѣсь на чистомъ нетающемъ снѣгѣ.
Злая память и скорбь — все куда - то ушло,
Все расплылось въ чарующей мгнѣ.
Окт. 1894.

LXXXIII

Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день.
Мнѣ любви и ясные взоры безбрежные,
И думы печальной суровая тѣнь.
Ужели обманъ — эта ласка нежданная,
Ужели скитальцу измѣнишь и ты?
Но сердце твердить: это пристань желанная
У ногъ безмятежной святой красоты.
Люби же меня ты, красавица нѣжная,
И въ свѣтло-прозрачный, и въ сумрачный день.
И пусть эти ясные взоры безбрежные
Все горе бывшее развѣютъ какъ тѣнь.

Окт. 1894.

LXXXIV

НА САЙМЪ ЗИМОЙ.

Вся ты закуталась шубой пушистой,
Въ снѣ безмятежномъ затихнувъ лежишь.
Вѣетъ не смертию здѣсь воздухъ лучистый,
Эта прозрачная, бѣлая тишь.

Въ невозмутимомъ покоѣ глубокомъ
Нѣтъ, не напрасно тебя я искалъ.
Образъ твой тотъ же предъ внутреннимъ окомъ,
Фея - владычица сосенъ и скалъ!

Ты непорочна, какъ снѣгъ за горами,
Ты многодумна, какъ зимняя ночь,
Вся ты въ лучахъ, какъ полярное пламя,
Темнаго хаоса свѣтлая дочь!

Дек. 1894.

LXXXV

Шумъ далекій водопада
Раздается черезъ лѣсъ,
Вѣтъ тихая отрада
Изъ-за сумрачныхъ небесъ.

Только бѣлый сводъ воздушный,
Только бѣлый сонъ земли...
Сердце смолкнуло послушно,
Всѣ тревоги отошли.

Неподвижная отрада,
Все слилось какъ бы во снѣ...
Шумъ далекій водопада
Раздается въ тишинѣ.

Дек. 1894.

LXXX

ИММАНУ - ЭЛЬ.

Во тьму вѣковъ та ночь ужъ отступила,
Когда, уставъ отъ злобы и тревогъ,
Земля въ объятяхъ неба опочила,
И въ тишинѣ родился Съ - нами - Богъ.

И многое ужъ невозможно нынѣ:
Цари на небо больше не глядятъ,
И пастыри не слушаютъ въ пустынѣ,
Какъ ангелы про Бога говорятъ.

Но вѣчное, что въ эту ночь открылось,
Несокрушимо временемъ оно
И Слово вновь въ душѣ твоей родилось,
Рожденное подъ яслями давно.

Да! Съ нами Богъ, — не тамъ въ шатрѣ лазурномъ.
Не за предѣлами безчисленныхъ міровъ,
Не въ зломъ огнѣ и не въ дыханьѣ бурномъ,
И не въ уснувшей памяти вѣковъ.

Онъ *здѣсь, теперь*, — средь суеты случайной,
Въ потокѣ мутномъ жизненныхъ тревогъ
Владѣешь ты всерадостною тайной:
Безсильно зло; мы вѣчны; съ нами Богъ.

1894.

LXXXVII

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

(посвящается В. Л. Величко).

Пусть все поругано вѣками преступлений,
Пусть незапятнаннымъ ничто не сбереглось,
Но совѣсти укоръ сильнѣе всѣхъ сомнѣній,
И не погаснетъ то, что разъ въ душѣ зажглось.

Великое не тщетно совершилось:
Не даромъ средь людей явился Богъ;
Къ землѣ не даромъ небо приклонилось,
И распахнулся Вѣчности чертогъ.

Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
Источникъ истины живетъ не заглушень,
И надъ руинами позора вѣкового
Глаголь ея звучить какъ похоронный звонъ.

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнуть тьмою,
Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла.
Не властью внѣшнею, а правдою самою
Князь вѣка осужденъ и всѣ его дѣла.

24 декабря 1894 г.

LXXXVIII

ОТШЕДШИМЪ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой.
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.

Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и блѣднѣетъ,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.

Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
Вы подняли меня надъ тяжелой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдамъ,
Вы въявь откроете обитель примиренья,
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

Янв. 1895.

LXXXIX

И М А Т Р А .

Шумъ и тревога въ глубокомъ покоѣ,
Мутныя волны средь бѣлыхъ снѣговъ,
Льдины прибрежной пятно голубое,
Неба жемчужнаго тихій покровъ.

Жизнь міровая въ стремленіи смутномъ
Такъ же несется бурливой струей,
Въ шумѣ немолчномъ, хотя лишь минутномъ,
Тотъ же царить неизмѣнный покой.

Страсти волну съ ея пѣной кипучей
Тщетнымъ желаньемъ, дитя, не лови;
Вверхъ погляди на недвижно-могучій
Съ небомъ сходящійся берегъ любви.

Янв. 1895.

XC

СОНЪ НАЯВУ.

Лазурное око
Сквозь мрачно - нависшія тучи...
Ступая глубоко
По снѣжной пустынь сыпучей,
Къ загадочной цѣли
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругомъ лишь далеко
Раскинулась озера ширь въ своемъ бѣломъ уборѣ,
И вслухъ тишина говоритъ мнѣ: неожиданное сбудется
вскорѣ.

Лазурное око
Опять потонуло въ туманѣ,
Въ тоскѣ одинокой
Блѣднѣетъ надежда свиданій.

Печальныя ели
Темнѣють вдали безъ движенья,
Пустыня безъ цѣли,
И путь безъ стремленья,
И голосъ все тотъ же звучить въ тишинѣ безъ укора:
Конецъ уже близокъ, неожиданное сбудется скоро.

Февр. 1895.

ХСІ

(памяти А. Θ. Аксаковой).

Опять надвинулись томительныя тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ,
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Не объ утраченныхъ: о нѣтъ, они вернутся, —
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигомъ вѣчности тяжелые года.

Иль эта мысль обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забытыхъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И къ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Апр. 1895.

ХСII

ВОСКРЕСШЕМУ.

Лучей блестящихъ полкъ за полкомъ *
Намъ шлетъ весенній юный день,
Но укрѣпляетъ тихомолкомъ
Твердыню льда ночная тѣнь.

Земля чернѣетъ межъ снѣгами,
Но этотъ трауръ веселить,
Когда побѣдными лучами
Весны грядущей онъ залить.

* Я позволилъ себѣ измѣнить принятое удареніе. Ошибки противъ духа языка тутъ нѣтъ, такъ какъ воиолнѣ аналогичное слово *волкъ* сохраняетъ удареніе на первомъ слогѣ и въ косвенныхъ падежахъ. Основаніе для произношенія *облкомъ* и *полкомъ* есть единственно только *usus-tyrannus*, и въ этомъ случаѣ (иначе въ какомъ же?) вступаетъ въ свои права *licentia poëtica*.

Души созрѣвшаго расцвѣта
Не сдержитъ снѣгъ сѣдыхъ кудрей,
Лишь эту смѣсь зимы и лѣта
Освѣтитъ взоръ твоихъ очей.

На Саймъ,

16 апрѣля 1895 г.

ХСІІІ

(посв. Н. Е. Ауэръ).

Лишь только тѣнь живыхъ, мелькнувши, исчезаетъ,
Тѣнь мертвыхъ ужь близка,
И радость горькая имъ снова отвѣчаетъ
И сладкая тоска.

Что жъ онъ пророчить мнѣ, настойчивый и властный
Призывъ родныхъ тѣней?
Расцвѣтъ ли новыхъ силъ торжественный и ясный,
Конецъ ли смертныхъ дней?

Но что бъ ни значилъ онъ привѣтъ вашъ замогильный,
Съ нимъ сердце бьется въ ладъ,
Оно за вами, къ вамъ, и по дорогѣ пыльной
Мнѣ не итти назадъ.

Апрѣль 1895.

XCIV

(посв. кн. А. Д. Оболенскому).

Наконецъ она стряхнула
Обветшалый свой уборъ,
Улыбнулась и вздохнула
И открыла ясный взоръ.

Неба пламенные розы
Отражаются въ волнѣ,
И разносить духъ березы
Лѣсъ въ прозрачномъ полуснѣ.

Отчего же день расцвѣта
Для меня печали день?
Отчего на праздникъ свѣта
Я несу ночную тѣнь?

Съ пробудившейся землею
Разлученъ, въ нѣмой странѣ
Кто-то съ тяжкою тоскою
Шепчетъ: вспомни обо мнѣ!

Апрѣль 1895.

ХСV

* *
* *

Эти грозныя силы, что въ полдень гремѣли,
Разошлись, истожились давно...
Вотъ и робкія звѣзды вверху заблестѣли
И глядятся тихонько въ окно.

Но нѣмая зарницы землѣ утомленной
Все твердятъ о грозѣ прожитой,
И не вѣрять она этой ночью бессонной,
Что настанетъ желанный покой.

Царское Сѣло.

1895.

XCVI

I.

ИЮНЬСКАЯ НОЧЬ НА САЙМЪ.

Въ эту ночь золотисто - пурпурную
Видно намъ не остаться вдвоемъ,
И сквозь розы небесъ что-то сдержанно-бурное
Уловилъ я во взорѣ твоёмъ.

Вотъ и полночь прошла незамѣтная...
Все свѣтлѣй и свѣтлѣй надъ тобой,
Но померкла святыня завѣтная,
Чтò царить надъ моею судьбой.

Не плѣняюсь я солнечной силою,
А взглядѣться въ тебя—холодно!
Но съ душою моею унылою
Тайно шепчется слово одно.

Знаю, — въ утро осеннее, блѣдное,
Знаю, — въ зимній закатъ ледяной
Прозвучить это слово побѣдное,
И его повторить ты за мной!

ХСVII

II.

ГРОЗА УТРОМЪ.

Разогнали раскаты громовые
Смутныхъ сновъ налетѣвшую стаю.
Передъ бездной огнисто-лиловою
Разорвалась завѣса до краю.

Шумно льются потоки назрѣвшіе,
Громъ гремитъ, словно чѣмъ-то утѣшенъ...
Вижу очи твои потемнѣвшія,
Хоть дождемъ отъ тебя занавѣшенъ.

Вдругъ затихло... Тамъ кто-то прощается,
И просвѣты лазури открыты...
Но двоится твой взоръ: улыбается
И темнѣетъ грозой незабытой.

17 — 18 іюня

1896 г.

ХСVIII

НА ПОЪЗДЪ УТРОМЪ

(посв. В. П. Гайдебурову).

Воздухъ и окошко, добытые съ боя...
Желтая береза между темной ели,
А за ними небо свѣтло-голубое
И хлѣбовъ грядущихъ мягкія постели.

Съ призракомъ дыханья паровозъ докучный
Мчится и грохочетъ мертвыми громами,
А душа природы съ ласкою беззвучной
Въ неподвижномъ блескѣ замерла надъ нами.

Тяжкому разрыву нѣтъ конца ужели?
Или есть побѣда надъ враждою мнимой,
И сойдутся явно въ благодатной цѣли
Двигатель бездушный съ жизнью недвижимой.

Сентября 1896.

XCIX

ПАМЯТИ А. А. ФЕТА.

Онъ былъ старикъ давно больной и хилый;
Дивились всѣ—какъ долго могъ онъ жить...
Но почему же съ этою могилой
Меня не можетъ время помирить?

Не скрылъ онъ въ землю даръ безумныхъ пѣсенъ;
Онъ все сказалъ, что духъ ему велѣлъ,—
Что жъ—для меня не сталъ онъ бестѣлесенъ,
И взоръ его въ душѣ не поблѣднѣлъ?

Здѣсь тайна есть... Миѣ слышатся призывы,
И скорбный стонъ съ дрежащею мольбой...
Непримиренное вздыхаетъ сиротливо,
И одинокое горюетъ надъ собой.

16 янв. 1897.

С

ОКО ВѢЧНОСТИ.

„Да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене“

Одна, одна надъ бѣлою землею
Горить звѣзда,
И тянетъ вдаль эфирною стѣзю
Къ себѣ — туда.

О, нѣтъ, зачѣмъ? Въ одномъ недвижномъ взорѣ
Всѣ чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этотъ взоръ такъ близокъ и такъ ясенъ, —
Глядись въ него,
Ты станешь самъ — безбреженъ и прекрасенъ —
Царемъ всего.

Янв. 1897.

СІ

НА СМЕРТЬ А. Н. МАЙКОВА.

Тихо удаляются старческія тѣни,
Душу заключавшія въ звонкіе кристаллы,
Званы еще многіе въ царство пѣснопѣній,—
Избранныхъ, какъ прежніе,—ужь почти не стало.

Вѣщіе свидѣтели жизни пережитой,
Вы увѣковѣчили все, что въ ней сіяло,
Подъ цвѣтами вашими плодъ земли сокрытый
Росъ, и сѣмя новое тайно созрѣвало.

Миръ же вамъ съ любовію, старческія тѣни!
Пусть блестятъ попережнему чистые кристаллы,
Чтобы звономъ сладостнымъ въ царствѣ пѣснопѣній
Вызывать къ грядущему то, что миновало.

1897.

СП

ДРУГУ МОЛОДОСТИ

(кн. Д. Н. Цертелеву).

Врагъ я этихъ умныхъ,
Громкихъ разговоровъ
И бесплодно-шумныхъ
Безконечныхъ споровъ...
.

Помнишь ли, бывало,
Ночи тѣ далеко,—
Тишиной встрѣчала
Насъ заря съ востока,

Изъ намековъ краткихъ,
Жизни глубь вскрывая,
Поднималась молча
Тайна роковая.

То, чего въ то время
Мы не досказали,
Записала вѣчность
Въ темныя скрижали.

1897

СШ

* *
* *

Нѣтъ, силой не поднять тяжелаго покрыва
Сѣдыхъ небесъ...

Все та же вдаль тропинка вьется снова,
Все тотъ же лѣсъ.

И въ глубинѣ вопросъ — вопросъ единый
Поставилъ Богъ.

О, если бѣ ты хоть пѣсней лебединой
Отвѣтить могъ!

Весь мiръ стоитъ застывшею мечтою,
Какъ въ первый день.

Душа одна и видитъ предъ собою
Свою же тѣнь.

1897.

CIV

А. А. ФЕТУ *

Всѣ нити порваны, всѣ отклики — молчанье.
Но скрытой радости въ душѣ остался ключъ,
И не погаснетъ въ ней до вѣчнаго свиданья
Одинъ таинственный и неизмѣнный лучъ.

И я хочу, среди царства заблужденій,
Войти съ лучемъ въ горнило вѣщихъ сновъ,
Чтобъ отблескомъ бессмертныхъ озареній
Вновь увѣнчать умолкнувшихъ пѣвцовъ.

Отшедшій другъ! Твое благословенье
На этотъ путь заранѣе со мной.
Неуловимаго я слышу приближенье,
И въ сердце бьетъ невидимый приборъ.

* Незадолго до смерти В. С. Соловьевъ намѣревался издать нѣсколько сборниковъ своихъ журнальныхъ статей по разнымъ предметамъ. Помѣщенное здѣсь стихотвореніе предназначалось какъ посвященіе для одного изъ этихъ сборниковъ — „Русская лирика въ XIX столѣтіи“. — М. С.

CV

СТАРОМУ ДРУГУ

(А. П. Саломону).

Двадцатый годъ — веселье и тревоги
Дѣлить вдвоемъ велѣлъ намъ вышній рокъ.
Ужель теперь для остальной дороги
Житейскій насъ разъединить потокъ?

Заключены въ темницѣ міра тлѣнной
И дань платя царящей суетѣ,
Свободны мы въ божницѣ сокровенной
Не измѣнять возвышенной мечтѣ.

Пусть гибнетъ все, что правды не выносить,
Но сохранимъ же вѣчности залогъ,—
Того, что духъ безсмертный тайно просить,
Что явно обѣщаль безсмертный Богъ.

Іюль 1897.

CVI

* * *

Я озаренъ осеннею улыбкой—
Она милѣй, чѣмъ яркій смѣхъ небесъ.
Изъ-за толпы безформенной и зыбкой
Мелкаеть лучъ,— и вдругъ опять исчезъ.

Плачь, осень, плачь, — твои отрадны слезы!
Дрожащій лѣсъ, рыданья къ небу шли!
Реви, о буря, всѣ свои угрозы,
Чтобъ истощить ихъ на груди земли!

Владычица земли, небесъ и моря!
Ты миѣ слышна сквозь этотъ мрачный стонъ,
И вотъ твой взоръ, съ враждебной мглою спора,
Вдругъ озарилъ прозрѣвшій небосклонъ.

Пустынька.

26 авг. 1897 г.

СVII

РОДИНА РУССКОЙ ПОЭЗИИ.

По поводу элегии „Сельское кладбище“ *

(посвящается П. В. Жуковскому).

Не тамъ, гдѣ заковалъ недвижною броню
Широкою Неву береговой гранитъ,
Иль гдѣ высокій Кремль надъ пестрою Москвою,
Свидѣтель старыхъ бурь, умолкнувшій, стоитъ,—

А тамъ, среди березъ и сосенъ неизмѣнныхъ,
Что въ сумракѣ земномъ на небеса глядятъ,

* Эта известная элегія (вольный переводъ съ англійскаго) была написана В. А. Жуковскимъ осенью 1802 г., въ селѣ Мишенскомъ, близъ Бѣлева, и напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина (ч. 6, № 24, стр. 319). Несмотря на иностранное происхожденіе и на излишество сентиментальности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „Сельское кладбище“ можетъ считаться началомъ истинно-человѣческой поэзіи въ Россіи послѣ условнаго риторическаго творчества Державинской эпохи

*Гдѣ праотцы села въ гробахъ уединенныхъ **
Крестами вѣнчаны, сномъ утомленныхъ спать,—

Тамъ на закатѣ дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свѣтъ,
И принялъ лѣсъ ее опавшею листвою
И тихо шелестилъ печальный свой привѣтъ.

И пѣсни строгія къ укромной колыбели
Неслись изъ-за моря съ туманныхъ острововъ,
Но, прилетѣвши къ ней, онѣ такъ нѣжно пѣли
Надъ вѣщей тишиной родительскихъ гробовъ.

На сельскомъ кладбищѣ явилась ты недаромъ,
О, гений сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаромъ
Плѣняла послѣ ты,— но первымъ лучшимъ даромъ
Останется та грусть, что на кладбищѣ старомъ
Тебѣ навѣялъ Богъ осеннею порой.

Москва,
12 октября 1897 г.

* Стихъ Жуковского.

CVIII

ОТЗЫВЪ НА „ПѢСНИ ИЗЪ УГОЛКА“

(К. К. Случевскому).

Дарить меня двойной отрадой
Твоихъ стиховъ вечерній свѣтъ:
И мысли ясною прохладой
И тѣмъ, чему названья нѣтъ.

Какая осень! Странно что - то:
Хоть безъ жары и бурныхъ грозъ,
Твой день отъ солнценоворота
Не убываль, а только росъ.

Такъ пусть онъ блещетъ и зимою,
Когда жъ блистать не станетъ вмочь,
Засвѣтитъ вѣщею зарею, —
Зарей во всю нѣмую ночь.

Янв. 1898 г.

СІХ

ЗНАМЕНІЕ.

„Сѣмя жены сотретъ главу змія“.

(Бытія III).

„Сотворилъ Мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его“. *(Еван. Луки, I).*

„И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ“. *(Апокал. XII).*

Одно, навѣкъ одно! Пускай въ уснувшемъ храмѣ
Во мракѣ адскій блескъ и громъ среди тишины,—
Пусть пало все кругомъ,—одно не дрогнетъ знамя,
И щитъ не двинется съ разрушенной стѣны.

Мы въ сонномъ ужасѣ къ святынѣ прибѣжали,
И гарью душною былъ полонъ весь нашъ храмъ,
Обломки серебра разбросаны лежали,
И черный дымъ прильнулъ къ разодраннымъ коврамъ.

И только знакъ одинъ нетлѣннаго завѣта
Межъ небомъ и землей попрежнему стоялъ,
А съ неба тотъ же свѣтъ и Дѣву Назарета
И змѣя тщетный ядъ предъ Нею озарялъ.

8 марта 1898 г.

СХ

МИМО ТРОАДЫ.

Что - то здѣсь осиротѣло,
Чей - то свѣточъ отсіялъ,
Чья - то радость отлетѣла,
Кто - то пѣль — и замолчалъ.

СХІ

ПѢСНЯ МОРЯ

(А. А. Фету).

Отъ кого это теплое южное море
Знаеть горькія пѣсни холодныхъ морей?...
И подъ небомъ другимъ, съ неизбѣжностью споря,
Та же тѣнь все стоитъ надъ мечтою моею.

Иль ей мало созвучныхъ рыданій пучины,
Что изъ тѣснаго сердца ей хочется слезъ,
Слезъ чужихъ, чьей - нибудь безкорыстной кручины
Надъ могилой безумно отвергнутыхъ грезъ...

Чѣмъ помочь обманувшей, обманутой долѣ?
Какъ задачу судьбы за другого рѣшить? —
Кто мнѣ скажетъ? Но сердце томится отъ боли
И чужого крушенья не можетъ забыть.

Брызги жизни сливались въ алмазныя грезы,
А теперь лишь блеснетъ лучезарная сѣть, —
Жемчугъ пѣсенъ твоихъ расплывается въ слезы,
Чтобы вмѣстѣ съ пучиной роптать и скорбѣть.

Эту пѣсню одну знаетъ южное море,
Какъ и бурныя волны холодныхъ морей —
Про чужое, далекое, мертвое горе,
Что какъ тѣнь неразлучно съ душою моею.

Между Смирной и Пиреемъ.

Апр. 1898 г.

СХІ

ВЪ АРХИПЕЛАГЪ НОЧЬЮ.

Нѣтъ, не вѣрьте обольщенью, —
Чтобъ сцѣпленемъ мертвыхъ силъ
Гибло Божіе творенье,
Чтобъ слѣпой намъ рокъ грозилъ.

Видѣлъ я въ морекомъ туманѣ
Всю игру враждебныхъ чаръ;
Мнѣ на дѣлъ, не въ обманѣ
Гибель несъ зловѣщій паръ.

Въявь слагались и вставали
Сонмы адскіе духовъ,
И пронзительно звучали
Сочетанья злобныхъ словъ.

Миръ вещественъ лишь въ обманѣ,
Гнѣвомъ дышитъ темный парь...
Видѣлъ я въ морекомъ туманѣ
Злую силу вражьихъ чарь...

СХІІІ

DAS EWIG - WEIBLICHE

(СЛОВО УВѢЩАТЕЛЬНОЕ КЪ МОРСКИМЪ ЧЕРТЯМЪ).

Черти морскіе меня полюбили,
Рыщутъ за мною они по слѣдамъ:
Въ Финскомъ поморьѣ недавно ловили,
Въ Архипелагъ я, — они уже тамъ!

Ясно, что черти хотятъ моей смерти,
Какъ и по чину прилично чертямъ.
Богъ съ вами, черти! Однако, повѣрьте,
Вамъ я себя на сѣденье не дамъ.

Лучше вы сами послушайтесь слова, —
Доброе слово для васъ я припасъ:
Божьей скотинкою сдѣлаться снова,
Милые черти, зависить отъ васъ.

Помните ль вы, какъ у этого моря,
Тамъ, гдѣ стоялъ Амаунтъ и Пафосъ,
Первое въ жизни неожиданное горе
Нѣкогда вамъ испытать довелось?

Помните ль розы надъ пѣною бѣлой,
Пурпурный отблескъ въ лазурныхъ волнахъ?
Помните ль образъ прекраснаго тѣла,
Ваше смятенье, и трепеть, и страхъ?

Та красота своей первою силой,
Черти, не долго была вамъ страшна;
Дикую злобу на мигъ укротила,
Но покорить не умѣла она.

Въ ту красоту, о, коварные черти,
Путь себѣ тайный вы скоро нашли,
Адское сѣмя растлѣнья и смерти
Въ образъ прекрасный вы сѣять могли.

Знайте же: вѣчная женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ.
Въ свѣтѣ немеркнущемъ новой богини
Небо слилося съ пучиною водъ.

Все, чѣмъ красна Афродита мірская,
Радость домовъ, и лѣсовъ, и морей, —
Все совмѣститъ красота неземная
Чище, сильнѣй, и живѣй, и полнѣй.

Къ ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачѣмъ же шумѣть?
То, чего ждетъ и томится природа,
Вамъ не замедлить и не одолѣть.

Гордые черти, вы все же мужчины, —
Съ женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорѣй!

Архипелагъ.

8—11 апрѣля 1898 г.

СХІV

НИЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА.

Золотыя, изумрудныя,
Черноземныя поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!

Это лоно плодотворное,—
Сколько дремлющихъ вѣковъ,—
Принимало, всепокорное,
Сѣмена и мертвецовъ.

Но не все тобою взятое
Вверхъ несла ты каждый годъ:
Смертью древнею заклѣтое
Для себя весны все ждетъ.

Не Изида трехвѣчная
Ту весну имъ приведетъ,
А нетронутая, вѣчная
„Дѣва Радужныхъ Воротъ“.*

Каиръ,
14 (26) апр. 1898 г.

* Гностическій терминъ.

СХV

11 ЮНЯ 1898 г.

Стая тучъ на небосклонѣ
Собралася и растеть...
На земномъ изсохшемъ лонѣ
Все живое влаги ждетъ.

Но упорный и докучный
Вѣтеръ гонитъ облака.
Зной все тотъ же неотлучный,
Влага жизни далека.

Такъ душевныя надежды
Гонитъ прочь житейскій шумъ,
Голосъ злобы, крикъ невѣжды,
Вѣчный вѣтеръ праздныхъ думъ.

СХVI

ОТВѢТЪ НА „ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ“

(К. К. Случевскому).

Все, измѣняясь, измѣнило,
Вездѣ могильные кресты,
Но будятъ душу съ прежней силой
Завѣты творческой мечты.

Безумье вѣчное поэта
Какъ свѣжій ключъ среди руинъ...
Временъ не слушаясь запрета,
Онъ въ смерти жизнь хранить одинъ.

Пускай Пергомъ давно во прахъ,
Пусть мирно дремлетъ тихій Донъ:
Все тотъ же ропоть Андрوماхи,
И надъ Путивлемъ тотъ же стонъ.

Свое ужъ не вернется снова,
Нѣмѣють близкія слова, —
Но память дальняго былого
Слезой прозрачною жива.

Пустынька.

18 іюня 1898 г.

СVXII

НА ТОМЪ ЖЕ МѢСТѢ *.

И помни весь путь, которымъ вель тебя
Превѣчный Богъ твой, по пустынь, вотъ
уже сорокъ лѣтъ...
Онъ смирялъ тебя, томилъ тебя голодомъ
и питалъ тебя манною...
Одежда твоя не ветшала на тебѣ, и нога
не пухла, вотъ уже сорокъ лѣтъ...
Второз. VІІІ, 2—4

Ушли двѣнадцать лѣтъ отважныхъ увлеченій
И сновъ мучительныхъ и тягостныхъ заботъ,
Осилившихъ на мигъ и павшихъ искушеній,
Похмелья горькаго и трезвенныхъ работъ.

* См. стихотвореніе XXIX „Земля владычица! къ тебѣ
чело склонилъ я“.

Хвала Превѣчному! Израиля одежды
Въ пустынѣ сорокъ лѣтъ Онъ цѣлыми хранилъ...
Не тронуты въ душѣ все лучшія надежды
И не изсякло въ ней русло творящихъ силъ!

Владычица - земля! съ бывалымъ умилениемъ
И съ нѣжностью любви склоняюсь надъ тобой.
Лѣсъ древній и рѣка звучать мнѣ юнымъ пѣньемъ...
Все вѣчное и въ нихъ осталось со мной.

Другой былъ, правда, день, безоблачный и яркій,
Съ небесъ лился потокъ ликующихъ лучей,
И всюду межъ деревъ запущеннаго парка
Мелькали призраки загадочныхъ очей.

И призраки ушли, но вѣра неизмѣнна...
А вотъ и солнце вдругъ взглянуло изъ-за тучъ.
Владычица - земля! Твоя краса нетлѣнна,
И свѣтлый богатырь безсмертенъ и могучъ.

Пустынька,
29 іюня 1898 г.

СХVIII

ТРИ СВИДАНИЯ.

(Москва—Лондонъ—Египеть 1862—75—76).

Поэма.

Заранѣ надъ смертью торжествуя,
И цѣпь временъ любовью одолѣвъ,
Подруга вѣчная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напѣвъ...

Не вѣруя обманчивому міру,
Подъ грубою корою вещества,
Я осязалъ нетлѣнную порфиру
И узнавалъ сіянье божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду —
Не мысленнымъ движеніемъ, о, нѣтъ! —
Въ предвѣстіе, иль въ помощь, иль въ награду,
На зовъ души твой образъ былъ отвѣтъ.

I.

И въ первый разъ, — о, какъ давно то было! —
Тому минуло тридцать шесть годовъ,
Какъ дѣтская душа неожиданно ощутила
Тоску любви съ тревогой смутныхъ сновъ.

Мнѣ девять лѣтъ, *Она...** ей — девять тоже.
„Быль майскій день въ Москвѣ“, какъ молвилъ Фетъ.
Признался я. Молчаніе. О, Боже!
Соперникъ есть. А! онъ мнѣ дастъ отвѣтъ.

Дуэль, дуэль! Обѣдня въ Вознесенье.
Душа кипитъ въ потокѣ страстныхъ мукъ.
Житейское... отложимъ... попеченье —
Тянулся, замиралъ и замеръ звукъ.

Алтарь открыть... Но гдѣ жъ священникъ, дьяконъ?
И гдѣ толпа молящихся людей?
Страстей потокъ, — безслѣдно вдругъ изсякъ онъ.
Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.

* *Она* этой строфы была простою маленькою барышней и не имѣетъ ничего общаго съ тою *ты*, къ которой обращено вступленіе.

Пронизана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
Стояла ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.

И дѣтская любовь чужой мнѣ стала,
Душа моя — къ житейскому слѣпа...
А нѣмка-бонна грустно повторяла:
„Володенька — ахъ! слишкомъ онъ глупа!“

II.

Прошли годѣ. Доцентомъ и магистромъ
Я мчуся за границу въ первый разъ.
Берлинъ, Ганноверъ, Кельнъ — въ движеніи быстромъ
Мелькнули вдругъ и скрылися изъ глазъ.

Не свѣта центръ, Парижъ, не край испанскій,
Не яркій блескъ восточной пестроты, —
Моей мечтою былъ Музей Британскій,
И онъ не обманулъ моей мечты.

Забуду ль васъ блаженные полгода?
Не призраки минутной красоты,
Не быть людей, не страсти, не природа —
Всей, всей душой одна владѣла ты.

Пусть тамъ снуютъ людскія мириады
Подъ грохоть огнедышущихъ машинъ,
Пусть зиждуются бездушныя громады,—
Святая тишина, я здѣсь одинъ.

Ну разумѣтся, *cum grano salis*:
Я одинокъ былъ, но не мизантропъ;
Въ уединеніи и люди попадались,
Изъ коихъ мнѣ теперь назвать кого бъ?

Жаль, въ свой размѣръ вложить я не сумѣю
Ихъ имена, не чуждыя молвы...
Скажу: два-три британскихъ чудодѣя
Да два иль три доцента изъ Москвы.

Все жъ больше я одинъ въ читальномъ залѣ;
И вѣрьте, иль не вѣрьте,—видитъ Богъ,
Что тайныя мнѣ силы выбирали
Все, что о ней читать я только могъ.

Когда же прихоти грѣховныя внушали
Мнѣ книгу взять „изъ оперы другой“,—
Такія тутъ исторіи бывали,
Что я въ смущеніи уходилъ домой.

И вотъ однажды—къ осени то было—
Я ей сказалъ: о, божества расцвѣтъ!
Ты здѣсь, я чую,—что же не явила
Себя глазамъ моимъ ты съ дѣтскихъ лѣтъ?

И только я помыслилъ это слово,—
Вдругъ золотой лазурью все полно,
И предо мной она сіяетъ снова,—
Одно ея лицо,— оно одно.

И то мгновенье долгимъ счастьемъ стало,
Къ земнымъ дѣламъ опять душа слѣпа,
И если рѣчь „серьезный“ слухъ встрѣчала,
Она была невнятна и *глуха*.

III.

Я ей сказалъ: твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидетьъ.
Чѣмъ для ребенка ты не поскупилась,
Въ томъ — юношѣ нельзя же отказать!

„Въ Египтъ будь!“ — внутри раздался голосъ.
Въ Парижъ! — и къ югу паръ меня несетъ.
Съ разсудкомъ даже чувство не боролось:
Разсудокъ промолчалъ какъ идиотъ.

На Льонь, Туринъ, Пьяченцу и Анкону,
На Фермо, Бари, Бриндизи — и вотъ
По синему трепещущему лону
Ужъ мчитъ меня британскій пароходъ.

Кредитъ и кровъ мнѣ предложилъ въ Каирѣ
Отель „Аббатъ“, — его ужъ нѣтъ, увѣ! —
Уютный, скромный, лучшій въ цѣломъ мірѣ...
Тамъ были русскіе, и даже изъ Москвы.

Всѣхъ тѣшилъ генераль — десятый номеръ —
Кавказскую онъ помнилъ старину...
Его назвать не грѣхъ — давно онъ померъ,
И лихомъ я его не помяну.

То Ростиславъ Оаддеевъ былъ извѣстный,
Въ отставкѣ воинъ и владѣль перомъ.
Назвать кокотку, иль соборъ помѣстный, —
Рессурсовъ тѣма была сокрыта въ немъ.

Мы дважды въ день сходились за табль-д'отомъ;
Онъ весело и много говорилъ,
Не лѣзъ въ карманъ за скользкимъ анекдотомъ
И философствовалъ по мѣрѣ силъ.

Я ждалъ межъ тѣмъ завѣтнаго свиданья,
И вотъ, однажды, въ тихій часъ ночной,
Какъ вѣтерка прохладное дыханье:
„Въ пустынь я — иди туда за мной“.

Идти пѣшкомъ (изъ Лондона въ Сахару
Не брать даромъ молодыхъ людей, —
Въ моему карманѣ — хотъ кататься шару,
И я живу въ кредитъ ужъ много дней).

Богъ вѣсть куда, безъ денегъ, безъ припасовъ,
И я въ одинъ прекрасный день пошелъ, —
Какъ дядя Власть, что написалъ Некрасовъ.
(Ну, какъ-никакъ, а риому я нашель) *.

Смѣялась, вѣрно; ты какъ средь пустыни,
Въ цилиндрѣ высочайшемъ и въ пальто,
За чорта принятый, въ здоровомъ бедуинѣ
Я дрожь испуга вызвалъ и за то

Чуть не убить, — какъ шумно, по-арабски
Совѣтъ держали шейхи двухъ родовъ,
Что дѣлать имъ со мной, какъ послѣ рабски
Скрутили руки и безъ лишнихъ словъ

Подальше отвели, преблагогородно
Мнѣ руки развязали — и ушли.
Смѣюсь съ тобой: богамъ и людямъ сродно
Смѣяться бѣдамъ, разъ онѣ прошли.

Тѣмъ временемъ нѣмая ночь на землю
Спустилась прямо, безъ обиняковъ.
Кругомъ лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мракъ средь звѣздныхъ огоньковъ.

* Приемъ находенія риомы, освященный примѣромъ Пушкина и тѣмъ болѣе прощительный въ настоящемъ случаѣ, что авторъ, будучи болѣе неопытенъ, чѣмъ молодой первый разъ пишетъ стихи въ повѣствовательномъ родѣ.

Прилегши на́земь, я глядѣль и слушалъ...
Довольно гнусно вдругъ завылъ шакаль;
Въ своихъ мечтахъ меня онъ, вѣрно, кушалъ,
А на него и палки я не взялъ.

Шакаль-то что! Вотъ холодно ужасно...
Должно-быть — нуль, — а жарко было днемъ...
Сверкають звѣзды безошадно ясно;
И блескъ, и холодъ, — во враждѣ со сномъ.

И долго я лежалъ въ дремотѣ жуткой,
И вотъ повѣяло: „Усни, мой бѣдный другъ!“ —
И я уснулъ; когда жъ проснулся чутко, —
Дышали розами земля и неба кругъ.

И въ пурпурѣ небеснаго блистанья
Очами полными лазурнаго огня *
Глядѣла ты, какъ первое сіянье
Всемирнаго и творческаго дня.

Что́ есть, что́ было, что́ грядетъ вовѣки —
Все обнялъ тутъ одинъ недвижный взоръ...
Синѣютъ подо мной моря и рѣки,
И дальній лѣсъ, и выси снѣжныхъ горъ.

Все видѣль я, и все одно лишь было, —
Одинъ лишь образъ женской красоты..
Безмѣрное въ его размѣръ входило, —
Передо мной, во мнѣ — одна лишь ты.

* Стихъ Лермонтова.

О, лучезарная! тобой я не обмануть:
Я всю тебя въ пустынь увидаль...
Въ моей душѣ тѣ розы не завянуть,
Куда бы ни умчалъ житейскій валъ.

Одинъ лишь мигъ! Видѣніе сокрылось —
И солнца шаръ всходилъ на небосклонъ.
Въ пустынь тишина. Душа молилась,
И не смолкалъ въ ней благовѣстный звонъ.

Духъ бодръ! Но все-жъ не ѣлъ я двое сутокъ,
И начиналъ тускнѣть мой высшій взглядъ.
Увы! какъ ты ни будь душою чутокъ,
А голодъ вѣдь не тетка, говорятъ.

На западъ солнца путь держалъ я къ Нилу
И вечеромъ пришелъ домой въ Каиръ.
Улыбки розовой душа слѣды хранила,
На сапогахъ — виднѣлось много дыръ.

Со стороны всё было очень глупо
(Я факты рассказалъ, видѣнье скрывъ).
Въ молчаньи генералъ, поѣвши супа,
Такъ началъ важно, взоръ въ меня вперивъ:

„Конечно, умъ даетъ права на *глупость*,
Но лучше смъ не злоупотреблять:
Не мастерица вѣдь людская тупость
Виды безумья точно различать.

„А потому, коль вамъ прослыть обидно
Помѣшаннымъ, иль просто дуракомъ,—
Объ этомъ происшествіи постыднымъ
Не говорите больше ни при комъ“.

И много онъ острилъ, а предо мною
Уже лучился голубой туманъ,
И, побѣжденъ таинственной красою,
Вдаль уходилъ житейскій океанъ.

Еще невольникъ суетному міру,
Подъ грубою корою вещества
Такъ я прозрѣлъ нетлѣнную порфиру
И ощутилъ сіянье божества.

Предчувствіемъ надъ смертью торжествуя
И цѣль временъ мечтою одолѣвъ,
Подруга вѣчная, тебя не назову я,
А ты прости, нетвердый мой напѣвъ!

26—29 сент. 1898 г.

Пустынька.

Примѣчаніе. Осенній вечеръ и глухой лѣсъ внушили мнѣ воспроизвести въ шутивныхъ стихахъ самое значительное изъ того, что до сихъ поръ случилось со мною въ жизни. Два дня воспоминанія и созвучія неудержимо поднимались въ моемъ сознаніи, и на третій день была готова эта маленькая автобіографія, которая понравилась нѣкоторымъ поэтамъ и нѣкоторымъ дамамъ.

СХІХ

НА СМЕРТЬ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Свѣта блѣдно-нѣжнаго,
Догорѣвшій лучъ,
Вѣтра вздохъ прибрежнаго,
Край далекихъ тучъ...

Подвигъ сердца женскаго
Тѣнь мужскаго зла,
Солнца блескъ вселенскаго
И земная мгла...

Что разрывомъ тягостнымъ
Мучить каждый мигъ, —
Все ты чувствомъ благостнымъ
Въ красотѣ постигъ.

Новый путь протянется
Нынѣ предъ тобой,
Сердце все жъ оглянется,—
Съ тихою тоской*.

19 октября 1898 г.

* Стихи Полонскаго.

Но боюсь, если путь мой протянется
Изъ родимыхъ полей въ край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.

СХХ



Лишь забудешься днем, иль проснешься въ полночи,—
Кто-то здѣсь... Мы вдвоемъ,—
Прямо въ душу глядятъ лучезарныя очи
Темной ночью и днемъ.

Таетъ ледъ, расплываются хмурыя тучи,
Расцвѣтаютъ цвѣты..
И въ прозрачной тиши неподвижныхъ созвучій
Отражаешься ты.

Исчезаетъ въ душѣ старый грѣхъ первородный:
Сквозь зеркальную гладь
Видишь, нѣтъ и травы, змѣй не виденъ подводный,
Да и скаль не видать.

Только свѣтъ да вода. И въ прозрачномъ туманѣ
Блещутъ очи одни,
И слилися давно, какъ роса въ океанѣ,
Всѣ житейскіе дни.

Москва,
21 ноября 1898 г.

СХХІ

ДВѢ СЕСТРЫ.

Изъ исландской саги

(посвящается А. А. Луговому).

Плещеть Обида крылами
Тамъ на пустынныхъ скалахъ...
Черная туча надъ нами,
Въ сердцѣ — тревога и страхъ.
 Стонеть скорбящая дѣва,
 Тихъ ея стонъ на землѣ,—
 Голосъ грозящаго гнѣва
 Вторить ей сверху во мглѣ.
Стонъ, повторенный громами,
Къ звѣздамъ далекимъ идетъ,
Гдѣ межъ земель и богами
Вѣчная Кара живетъ.

Тамъ, гдѣ полночныхъ сіяній
Яркіе блещутъ столбы,—
Тамъ она, дѣва желаній,
Дѣва послѣдней судьбы.

Чаша предъ ней золотая;
Въ чашу, какъ паръ отъ земли,
Крупной росой упадая,
Слезы Обиды легли.

Тихо могучая дѣва —
Тихо, безмолвно сидить,
Въ чашу грозящаго гнѣва
Взоръ неподвижный глядитъ.

Черная туча надъ нами,
Въ сердцахъ!—тревога и страхъ...
Плещеть Обида крылами
Тамъ на пустынныхъ скалахъ.

3 апрѣля 1899 г.

СХХІІ.

У СЕБЯ.

Дождались меня бѣлыя ночи
Надъ просторомъ густыхъ острововъ...
Снова смотрять знакомыя очи,
И мелькаетъ былое безъ словъ.

Въ царство времени все я не вѣрю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать „навсегда“ — не могу.

При мерцаніи долгомъ заката,
Предъ минутной дремотою дня, —
Что погибъ его свѣтъ безъ возврата, —
Въ эту ночь не увѣришь меня.

Іюнь 1899.

СХХІІІ

БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

...И я слышу, какъ сердце цвѣтетъ
Фетъ.

Сколько ихъ расцвѣтало недавно,
Словно бѣлое море въ лѣсу!
Теплый вѣтеръ качалъ ихъ такъ плавно
И берегъ молодую красу.

Отцвѣтаетъ она, отцвѣтаетъ,
Потемнѣлъ бѣлоснѣжный вѣнокъ,
И какъ будто весь міръ увядаетъ...
Средь гробовъ я стою одинокъ

„Мы живемъ, твои бѣлыя думы,
У завѣтныхъ тропинокъ души.
Бродишь ты по дорогѣ угрюмой,
Мы недвижно сіаемъ въ тиши.

Насъ не вѣтеръ берегъ прихотливый,
Мы тебя сберегли бы отъ вьюгъ.
Къ намъ скорѣй черезъ западъ дождливый.
Для тебя мы — безоблачный югъ.

Если жъ взоры туманъ закрываетъ,
Иль зловѣщій послышался громъ, —
Наше сердце цвѣтетъ и вздыхаетъ...
Приходи — и узнаешь, о чемъ“.

15 августа 1899 г.

CXXIV

LES REVENANTS.

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы къ душѣ пробралися, и — спасибо вамъ!
Сладко мнѣ приблизиться памятью увылою
Къ смерти занавѣшеннымъ, тихимъ берегамъ.

Нитью непонятною сердце все привязано
Къ образамъ незначущимъ, къ плачущимъ тѣнямъ.
Что - то въ слово просится, что - то не досказано,
Что - то совершается, но — ни здѣсь, ни тамъ.

Бывшія мгновенія поступью беззвучною
Подошли и сняли вдругъ покрывала съ глазъ.
Видать что - то вѣчное, что - то неразлучное
И года минувшіе, какъ единый часъ.

16 янв. 1900 г.

CXXV

ДРАКОНЪ.

(Зигфриду).

Изъ - за круговъ небесъ незримыхъ
Драконъ явилъ свое чело, —
И мглою бѣдъ неотразимыхъ
Грядущій день заволокло.

Ужель не смолкнуть ликованья
И миру вѣчному хвала,
Безпечный смѣхъ и восклицанья:
„Жизнь хороша и нѣтъ въ ней зла!“

Наслѣдникъ меченосной рати!
Ты вѣренъ знамени креста,
Христовъ огонь въ твоемъ булатѣ,
И рѣчь грозящая свята.

Полно любовью Божье лоно,
Оно зоветъ насъ всѣхъ равно...
Но передъ пастию дракона
Ты поняль: крестъ и мечъ — одно.

24 іюня 1900 г.

СХХVI

ВНОВЬ БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Въ грозные, знойные
Лѣтніе дни
Бѣлые, стройные
Тѣ же они.

Призраки вешніе
Пусть сожжены,
Здѣсь вы нездѣшніе,
Вѣрные сны.

Зло позабытое
Тонетъ въ крови.
Всходитъ омытое
Солнце любви.

Замыслы смѣлые
Въ сердцѣ больномъ,
Ангелы бѣлые
Встали кругомъ.

Стройно - воздушные
Тѣ же они
Въ знойные, душевные,
Тяжкіе дни.

8 іюля 1900 г.





Д-76-77

40

UK 585328

ДЕНКНИТА
Март 1951
P. 35
Кл. № 188650

3-77

**THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL**



RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3470
.S7
A6
1904

